СИБИРСКІЙ АРХИВЪ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНЯ 5-й.

№ 2.

Февраль 1916 года.

МИНУСИНСКЪ.
Электро-типографія Е. Л. Метелкиной
1916.

Сибирское художество и сибирское областничество.

Историко-критическій очеркъ.

Идея сибирскаго областничества—едва ли не самая популярная изъ идей, увлекающихъ сибирскихъ поэтовъ и беллетристовъ. Но это только—въ области общественно-политической. Совсѣмъ иное въ области художества. Здѣсь все еще имѣетъ мѣсто предразсудокъ, исключающій возможность выявленія въ поэзіи родившихся въ Сибири, специфически-сибирскихъ образовъ, мотивовъ, настроеній, красокъ, съ единственнымъ, пожалуй, допущеніемъ—сибирскаго быта. Ссылаются при этомъ даже на писанія вѣроучителей—областниковъ, вотъ тамъ-то и тамъ-то яко бы непримиримо-отрицательно отнесшихся къ идеѣ „мѣстнаго мотива“, и въ лучшемъ случаѣ всѣмъ творчествомъ своимъ пассивно бойкотируютъ эту идею, а въ худшемъ—отписываются отъ нея балагурствомъ. Говорю, конечно, не о всѣхъ, но о многихъ

Пишущему эти строки еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ двухъ спеціально обоснованныхъ статьяхъ, пришлось бороться съ этимъ молчаливымъ, но упорнымъ творческимъ бойкотомъ, призывая въ нихъ поэтовъ къ *само-осознанію*, и не столько для того, чтобы уподобляться гласу вопіющаго въ пустынѣ, но съ цѣлью, главнымъ образомъ, установленія точныхъ и неискаженныхъ мимолетными ссылками взглядовъ на интересующій насъ предметъ отцовъ-основоположенниковъ областничества, я выступаю съ настоящей статьей.

I.

Одну забытую, но въ высшей степени благодарную для историка сибирской общественности статью мнѣ хочется извлечь, въ первую голову, изъ-подъ архивной пыли и, оперируя съ этой *программной* статьей, намѣтить попутно наши схожденія и разнорѣчія. Имѣю въ виду статью Н. М. Ядринцева „Судьба сибирской поэзіи и старинные поэты Сибири“, появившуюся въ 1885 году, т. е. ровно 30 лѣтъ назадъ, въ

извѣстномъ „Литературномъ сборникѣ“ („Собраніе научныхъ и литературныхъ статей о Сибири и Азіатскомъ Востокѣ“), изданномъ подъ редакціей Ядринцева же въ видѣ особаго приложенія къ газетѣ „Восточное Обозрѣніе“. Оговариваюсь: данная статья такъ мало въ широкихъ кругахъ читателей извѣстна, столь незаслуженно не только читателемъ, но и литературой забыта и такъ, при этомъ, важна въ отношеніи программномъ и историческомъ, что мнѣ придется ее въ главнѣйшихъ и типичнѣйшихъ мѣстахъ обильно цитировать.

Разсматривая эту старую статью, нельзя въ ней не отмѣтить прежде всего болѣе или менѣе удачно сглаженныхъ внутреннихъ противорѣчій. Самое существенное противорѣчіе — замаскированное такъ или иначе столкновеніе между сущимъ и желаемымъ.

Вся аргументація Н. М. Ядринцева, особенно въ началѣ статьи, ведется какъ будто къ тому, что самое возникновеніе такъ называмой „сибирской поэзіи“ невозможно. И вотъ почему:

„Среди дѣвственной и суровой природы, среди темныхъ лѣсовъ, подъ кущею звѣроловческаго балагана, человѣку не до пѣсенъ. Задумчивыя дріады не кивають ему зелеными руками и веселыя нимфы не несутся въ хороводѣ съ лѣсными пѣснями, ручей не поетъ ему сладкозвучныхъ мотивовъ, не наступила еще пора идилліи среди очищенной зеленой поляны. Не рвутся, не просятся еще изъ груди человѣка „сладкіе мотивы“, süsse Weisen, по выраженію Уланда, мольба, стоны флейтъ, звоны лютенъ. Бѣдный звѣровщикъ ничего еще не понимаетъ въ этихъ звукахъ. Грозно шумитъ лѣсъ вокругъ него. Рѣзкіе, дикіе звуки звѣрковъ несутся къ нему изъ таинственнаго нѣдра природы, и онъ самъ научился подражать въ сибирскомъ лѣсу только звукамъ маральей самки, соболя, рябчика. У него нѣтъ досуга, какъ у скотовода, беззаботно смотрящаго въ голубое небо или играющаго на свирѣли, смотря на роскошныя преріи; у него нѣтъ воображенія, онъ не одухотворилъ природы, не очеловѣчилъ ея, не олицетворилъ въ тысячѣ любящихъ фантастическихъ существъ, которыя поютъ ему пѣсню о любви. Страшные призраки съ мохнатыми лапами окружаютъ его въ лѣсу. Некогда ему мечтать, онъ пролагаетъ дорогу среди темной трущобы, и суевѣрный страхъ охватываетъ его; вечеромъ онъ дѣлаетъ себѣ балаганъ. Когда косые лучи солнца пронижутъ лѣсъ передъ закатомъ и среди черныхъ стволовъ польется золотистый лучъ, а алое и пылающее небо вспыхнетъ между вѣтвей, бѣдный звѣроловъ станетъ на колѣни передъ балаганомъ съ сложен-

ными руками и будетъ безмолвно молиться; можетъ быть, односложный звукъ вылетитъ изъ груди его.

«Русскій народъ въ Сибири не музыкаленъ, онъ утратилъ эту музыкальность, вѣроятно, вслѣдствіе своего звѣроловческаго быта. Звѣроловъ угрюмъ, потому что одинокъ и ведетъ суровую жизнь. Онъ недовѣрчивъ, скрытенъ, похожъ на мрачнаго бандита,—такъ характеризуетъ Чуди альпійскаго охотника за сернами. Это своя лѣсная культура. 200 лѣтъ такой жизни лишили сибиряка музыкальнаго чутья. Развитіе музыки и поэзіи требуетъ досуга, соціальной жизни, хороводовъ, общественныхъ праздниковъ, состязаній народныхъ бардовъ, и все это есть у кочевого киргиза, но нѣтъ у охотника. „Богиня пѣсни пролетѣла близко надъ степью,—говоритъ киргизъ въ своей легендѣ,—но высоко пронеслась надъ лѣсомъ». Пастухъ изобрѣлъ свирѣль и оглашаетъ степь своею пѣсней, звѣроловъ не смѣетъ нарушить тишину лѣса, чтобы не спугнуть звѣря. У охотника нѣтъ соціальной жизни, душевныя наслажденія и сильныя ощущенія онъ привыкъ хранить въ себѣ, потому что въ лѣсу не съ кѣмъ обмѣняться. Онъ боится соперника-охотника и чѣмъ дальше онъ уединится, тѣмъ ему выгоднѣе. Впослѣдствіи то же положеніе онъ испытываетъ во время жизни на «заимкѣ». Жизнь скваттера также полна угрюмаго одиночества. Вотъ почему народъ въ Сибири позабылъ пѣсни и, когда возвратился къ нимъ, потерялъ мелодію. Сибиряки «ревутъ пѣсни»,—говоритъ одинъ путешественникъ по Сибири. Можетъ быть, бурный шумъ тайги и ревъ звѣря грубо воспитали ихъ ухо. Пѣсни ихъ отличаются бѣдностью мотивовъ, нѣтъ знаменитыхъ пѣвцовъ, нѣтъ соперничества въ пѣснѣ. Это вліяніе тайги, дикой и молчаливой дубравы, кажется, отражается и на птицахъ. Сибирскій соловей не умѣетъ пѣть, какъ курскій. Онъ также, можетъ быть, въ лѣсахъ сибирскихъ страдаетъ одиночествомъ, нѣтъ у него сосѣдей, чтобы усовершенствовать голосъ, онъ далекъ отъ восторговъ и страсти южнаго соловья, который въ страстной любви находитъ смерть, разрывая свои легкія. Народъ въ Сибири не имѣетъ и историческихъ пѣсенъ. Замѣчательно, что героическая эпоха Ермака, Хабарова и др. не оставила въ Сибири поэтическихъ памятниковъ. Есть въ сборникѣ Калайдовича двѣ большія пѣсни: одна о Ермакѣ, другая объ осадѣ города Албазина, но и ихъ народъ забылъ. Въ XII книжкѣ «Русской Старины» за 1872 г. приведена былина „Ермакъ“; это старый варіантъ, но и онъ не извѣстенъ въ народѣ. Собственно память Ермака въ Сибири забыта, и только развѣ когда-нибудь мѣстный Камоэнсъ воскреситъ ее. Все

это произошло оттого, что начало сибирской исторіи въ сущности принадлежитъ Европейской Россіи. Эпосъ Ермака живѣе сохранился въ казачьихъ пѣсняхъ Урала и Дона. Русскіе въ Сибири потеряли въ воспоминаніяхъ начало своей исторіи.

Эпоха промышленнаго авантюризма была одушевлена прибылью и торговыми цѣлями. А извѣстно, что торговля не воспѣвалась, кажется, со времени новгородскаго Садко. Промышленники-завоеватели въ Сибири не находили досужихъ скальдовъ воспѣвать свои подвиги. Въ ихъ собственной средѣ, какъ и въ средѣ Ермака, не нашлось человѣка, который былъ бы въ одно время и витязь и скальдъ, у котораго были бы «арфа въ рукѣ, мечъ у бедра». Даже русская народная пѣсня, переваливая черезъ Уралъ, разбилась и составила самый хаотическій конгломератъ въ устахъ народа, также разбилась здѣсь вся старая Русь съ ея преданіями. Итакъ, русскіе переселенцы не перенесли въ Сибирь свѣтильника искусства, огонь его потухъ отъ будущаго таежнаго вѣтра. Стало быть, въ этой странѣ придется зажигать его вновь".

Въ дальнѣйшемъ, однако, авторъ признается, что это объясненіе его „отсутствія поэтичности у насъ на Востокѣ" имѣетъ въ настоящее время (это 30 лѣтъ назадъ) лишь „долю истины". Почему же? Казалось бы, вотъ тутъ-то и развернется нужная аргументація «за». Но это не такъ.

„Не одно низшее сословіе,—говоритъ Н. М. Ядринцевъ,—а все сибирское общество жило будничною, прозаическою жизнью, и при этомъ матеріальная сторона жизни первенствовала; общество это долго было лишено образованнаго сословія, обладало грубыми нравами, отсутствіемъ эстетическихъ потребностей, оно, наконецъ, не было тронуто какой бы то ни было религіозной, философской, гражданской идеей, въ немъ не было ничего возвышающаго духъ, вдохновеннаго. *Тѣмъ дороже* (подчеркиваю я—Н. Ч.) должны быть всякіе признаки поэзіи, всякій проблескъ вдохновенія, *навѣянный страною*. Струя поэзіи, *такъ или иначе, однако, не могла не* пробивать пути и въ этомъ обществѣ".

Итакъ, вы видите, какими слабыми, въ сущности, ниточками связываетъ авторъ цитируемой статьи лелѣемую имъ мечту о «сибирской поэзіи» съ возможностью реальнаго ея воплощенія: „тѣмъ дороже должны быть", т. е. чѣмъ хуже, тѣмъ лучше; и „такъ или иначе, однако, не могла не",—т. е. аргументъ, опять-таки скорѣе изъ категоріи внушенія. И все же, и въ этихъ уже робкихъ подходахъ, утверждается авторитетнымъ публицистомъ та спорная идея, о которой мы говорили въ началѣ своей статьи—о *„вдохновеніи, навѣянномъ*

страною". Такъ далѣе Н. М. Ядринцевъ и мотивируетъ: „Въ виду этого не мѣшаетъ припомнить старыхъ поэтовъ и тѣ слабые попытки, которыя дѣлались для *описанія сибирской природы и жизни*".

Разсмотрѣнію этихъ слабыхъ попытокъ привнесенія въ поэзію *„мѣстнаго колорита"* (терминъ, опять-таки, Ядринцева),—начиная съ ложно-классическаго и чисто-книжнаго прославленія Сибири старинными россійскими поэтами, вродѣ Озерова, Дмитріева и Державина, которые „не знали края и не могли имъ вдохновляться"; включая автора „Конька-Горбунка"и нѣкоторыхъ другихъ, относительно которыхъ дѣлается выводъ, что „сибирская природа, окружающая жизнь и бытъ не остаются чужды сердцу мѣстнаго дарованія"; и кончая Шумахеромъ, Таскинымъ и особенно Бальдауфомъ (Федоровъ-Омулевскій какъ-то странно замолчанъ)—и посвящена цитируемая статья.

Всѣ эти чисто-историческія изысканія автора, въ мѣру нужныя для того времени и въ мѣру цѣнныя, нынѣ уже стали общимъ достояніемъ, и мы на нихъ останавливаться не будемъ. Насъ интересуетъ, главнымъ образомъ, обоснованіе теоретическое, т. е. то какъ разъ, что нынѣ крѣпко забыто и что нужно напомнить.

Обращаясь къ дальнѣйшей аргументаціи Н. М. Ядринцева, нельзя опять-таки не замѣтить тѣхъ противорѣчій, тѣхъ необоснованныхъ въ достаточной мѣрѣ переходовъ отъ оптимизма къ пессимизму, которые такъ ярко характеризуютъ всю его статью. Читайте, напримѣръ:

„Истинная поэзія—одинъ изъ самыхъ позднѣйшихъ цвѣтковъ литературы, поэтому нечего удивляться, что на нашемъ Востокѣ не зародилось еще ни изящной художественной литературы, ни поэзіи, и это немудрено, когда сама печать только что нарождается и дѣлаетъ первые шаги. Для этого нуженъ болѣе продолжительный періодъ литературнаго воспитанія, большее количество лицъ, участвующихъ въ литературной работѣ, обусловленной количествомъ вообще интеллигентныхъ и образованныхъ людей. Мы не сдѣлаемъ упрека Сибири, если припомнимъ, что таланты и дарованія даже и въ средѣ русскаго общества, болѣе интеллигентнаго, большая рѣдкость: они не растутъ какъ грибы, крупные изъ нихъ являются поколѣніями.

„Нечего сравнивать Сибирь съ ея ничтожнымъ кругомъ образованныхъ людей. Нуженъ большой рекрутскій наборъ, чтобы въ немъ проявился даровитый военачальникъ, нуженъ большой контингентъ получающихъ образованіе, чтобы среди

дюжинъ посредственностей попалъ талантъ. Сибирская интеллигенція притомъ всегда отрывалась отъ своей почвы, и потому здѣсь не могло родиться глубокихъ привязанностей, не могло развиться ничего мѣстнаго, оригинальнаго.

„Художественно-эстетическое творчество есть продуктъ интеллектуальной и духовной жизни, которой сибирское общество также не жило. Для этого нужно было особое воспитаніе. Художественная литература есть попреимуществу продуктъ развитія чувства и воображенія, а имъ было весьма мало питанія въ Сибири. Щаповъ, рисуя и намѣчая соціальныя условія сибирской жизни и интеллектуальный складъ сибиряка, обрисовалъ грубый практическій складъ жизни, полный матеріальныхъ интересовъ, пріобрѣтательныхъ инстинктовъ и индивидуально-эгоистическихъ наклонностей. Здѣсь не было, по его мнѣнію, мѣста инстинктамъ соціальнымъ, филантропическимъ и эстетическимъ. Сибирякъ болѣе спиритуалистъ, чѣмъ сенсуалистъ, въ сибирской жизни нѣтъ сантиментальности, она груба и утилитарна.

„Съ дѣтства люди формируются въ извѣстной средѣ и питаются окружающими впечатлѣніями. Нетрудно наблюдать, что сибиряки носятъ на себѣ печать сухости, сдержанности, скрытности чувствъ, они какъ бы стыдятся показаться чувствительными. То, что другіе не стѣсняются выражать открыто, они таятъ; таково ихъ чувство даже къ родинѣ, обнаруживать которое они считаютъ предосудительнымъ. Сибирякъ предпочтетъ казаться сухимъ, практичнымъ, насмѣшливымъ, но не простодушнымъ, увлекающимся и открытымъ. Сибирскій умъ склоннѣе всего къ критикѣ, сатирѣ, чѣмъ къ лирикѣ и поэзіи. Чувство его запрятано, покрыто какою-то корою, которую надо разбить и растопить“.

Итакъ, казалось бы, развитіе поэзіи въ Сибири безнадежно? Вовсе нѣтъ. Читайте дальше:

„Отсутствіе извѣстныхъ инстинктовъ и чувствъ находится весьма часто въ связи съ неразвитостью духовной стороны человѣка. Окружающая природа и внѣшняя сторона жизни тутъ не причемъ. Нельзя сказать, чтобы природа Сибири не внушала ничего для ума и чувства, нельзя сказать, чтобы она не возбуждала воображенія, что въ ней нѣтъ своихъ красотъ; нельзя сказать, чтобы въ окружающей жизни и обстановкѣ не было матеріала для художественнаго творчества и чтобы подъ вліяніемъ его не тронулась чуткая душа художника-поэта. Не можетъ быть, чтобы здѣсь, подъ сѣнію величественныхъ лѣсовъ, среди дѣвственной природы, въ этомъ царствѣ, гдѣ такъ

широко и привольно воображенію и мечтѣ, не зазвучали „вѣщія струны“.

„Страны, несравненно болѣе бѣдныя, съ болѣе убогою природой, рождали поэтовъ и художниковъ,—такова Литва и Бѣлоруссія. Среда не менѣе жалкая и бѣдная вырывала у поэтовъ симпатію, и чѣмъ бѣднѣе, чѣмъ несчастнѣе бывала эта среда, тѣмъ иногда искреннѣе и теплѣе выражалось ей сочувствіе. Посмотрите поэзію Шевченко и Кондратовича.

„Для истиннаго художественнаго инстинкта, для того, чтобы удѣлить слезу родинѣ, не требуется богатства, пышности и блеска. Даже въ окружающей дикой природѣ геній человѣка находитъ себѣ пищу, онъ беретъ свою ленту и съ первобытной природы, и съ первобытнаго человѣка. Дѣвственные лѣса и жизнь въ нихъ въ Америкѣ создали Купера, а жизнь дикарей-инородцевъ навѣяла пѣсни Лонгфелло“.

Выводъ же отсюда въ отношеніи Сибири, увы, неутѣшительный: „Ничего подобнаго въ Сибири не было. Природа жила сама по себѣ, человѣкъ самъ по себѣ“. Но если «не было», то... можетъ быть? Все отвѣчающее на этотъ вопросъ заключеніе статьи, полное неподдѣльнаго вдохновенія, проникновеннаго предвидѣнія и горячей любви къ Сибири, характерно все той же внутренней тревогой и тѣми срывами, которые знакомы только крупнымъ, но мятущимся умамъ, и выраженіе которыхъ уже дано около 2000 лѣтъ тому назадъ: „Вѣрую, Господи, помоги невѣрію моему!“...

Вотъ это заключеніе:

„Мы не будемъ говорить уже о творчествѣ высшаго порядка, художественно-историческомъ и бытовомъ, когда художникъ и поэтъ изображаетъ предъ собою не только проходящую предъ его взорами жизнь, но воскрешаетъ прошлое, его исторію, или проникаетъ предвѣдѣніемъ въ область будущей жизни, грезитъ образами грядущаго и пророчествуетъ. Сибирская исторія, конечно, также могла дать матеріалъ для художника.

„Въ этой исторіи мы видимъ эпоху своего рода Кортесовъ и Пизарро, которые народили въ Испаніи циклъ поэмъ; здѣсь также мы видимъ кровавую героическую борьбу завоевателя, идущаго въ невѣдомую даль искать славу, богатства и падающаго подъ ударами его слабаго аборигена. Эта борьба двухъ расъ полна драматизма. У того и другого своя потребность жизни, но у обоихъ льется кровь, оба умираютъ, а человѣческій идеалъ, все таки, далекъ. Надъ ихъ могилами встаетъ только таинственнѣе и грознѣе природа и чащи лѣсовъ скрываютъ тайну будущаго. Тогда начинается новая

борьба человѣка въ пустынѣ; мы видимъ жизнь въ лѣсахъ колонизатора и промышленника, жизнь, полную приключеній, отваги и удали. Здѣсь рисуется типъ бѣглаго человѣка, скитающагося по лѣсамъ, на половину скваттера, на половину разбойника, и рядомъ величественный образъ раскольника, спасающагося въ уединеніи, полнаго задумчивости и религіозно-торжественнаго настроенія. Затѣмъ слѣдующая эпоха сибирской жизни выдвигаетъ кипучую жажду наживы, погоню за золотомъ, исполненную алчности и звѣрскихъ инстинктовъ, запятнанную преступленіями, убійствами, массою загубленыхъ одинокихъ жизней въ отвалахъ и разрѣзахъ, сибирскій золотой самородокъ появился на свѣтъ забрызганный кровью. Началась гражданская жизнь, но въ то время, когда падало зерно хлѣбопашца въ дѣвственную почву, какъ залогъ грядущаго, когда слышались благословенія этой землѣ, въ это же самое время, однако, на ту же почву лились горькія слезы изгнанія.

«Здѣсь все мѣшалось, повидимому, въ хаосѣ несложившейся жизни: благословенія, молитва, проклятіе, и стонъ. Но нельзя сказать, чтобы и здѣсь не пробивали дорогу мирныя чувства и спокойныя радости. Достаточно взглянуть въ сибирскіе романы Калашникова, чтобы открыть, что даже и въ ту эпоху, рядомъ съ воеводскими гоненіями и пытками, съ разбойниками въ лѣсахъ, незамѣтно ютилась романическая нѣжная страсть, какъ скромная незабудка. За грознымъ взоромъ побѣдителя смотрятъ покорные и полные страданія глаза умирающаго инородца. Вслѣдъ за враждою начинается человѣческое сближеніе, гдѣ дѣлаетъ первый шагъ сердце: инородка и русскій здѣсь дѣлятъ первую чашу сладкаго и ядовитаго напитка любви; нерѣдко борьба чувства и драматизмъ положенія двухъ расъ здѣсь выступаютъ съ тою же болью, какъ въ исторіи африканскаго Мавра.

„Наконецъ, въ той же исторіи мы не можемъ не видѣть уже проблесковъ иныхъ чувствъ и стремленій: вслѣдъ за историческими бурями и грозою проглядываетъ тихая мирная жизнь, какъ спокойное, безоблачное небо; за чувствами ненависти и вражды изгнанниковъ, за воплями, проклятіями, посылаемыми этой бездольной странѣ, мы чувствуемъ тихое, робкое біеніе сердца, начинающаго новую жизнь, сердца, преданнаго любви къ родной землѣ, мы замѣчаемъ взглядъ, полный вѣры, упованія, чуть не мольбы къ грядущему...

„Эта канва, гдѣ жизнь вышивала свои узоры, можетъ дать современемъ пищу художнику и поэту. Когда появится этотъ поэтъ—Богъ вѣсть!“... *)

II.

Итакъ, въ чемъ же схожденіе и разнорѣчіе наше, сибирскихъ пришельцевъ (беру на себя смѣлость отвѣчать за часть этихъ послѣднихъ), съ этой несомнѣнно *программной* статьей одного изъ крупнѣйшихъ идеологовъ сибирскаго областничества?

Фактъ появленія уже въ печати двухъ моихъ статей о мѣстномъ колоритѣ въ творчествѣ сибиряковъ („Сибирскій Архивъ“ 1913 г., №№ 2 и 6-8) и перепечатки ихъ въ недавно вышедшей моей брошюрѣ („Сибирскіе поэты и ихъ творчество“)—лишаетъ меня возможности развить здѣсь полностью ту точку зрѣнія, которая мною отстаивалась. Отмѣчу поэтому коротко, что въ этомъ вопросѣ,какъ и въ вопросѣ вообще о культурномъ само-осознаніи Сибири (Господи, да неужели же это—еще „вопросъ“?), мы, чужаки-пришельцы, непримиримые противники идеи „сибирскаго областничества“ въ цѣломъ (имѣю въ виду ея соціально-политическую тенденцію), и они, основоположенники этой идеи, подаемъ другъ другу руки.

Мы такъ же, какъ и они, горячо призываемъ представителей сибирскаго художества на неизбѣжный исторически и единственно мыслимый путь—любовнаго проникновенія въ богатые родники народнаго, на путь серьезнаго исканія своего собственнаго коллективнаго „я“, своихъ собственныхъ, не

*) Это писалось И. М. Ядринцевымъ въ «Литературномъ Сборникѣ» въ 1885 году. Но уже въ 1892 году, во второмъ изданіи своей замѣчательной книги «*Сибирь, какъ колонія*», авторъ обнаруживаетъ нѣсколько большую рѣшительность въ утвержденіяхъ. Такъ, напр., о живописи онъ пишетъ (стр. 658): «по мѣрѣ того, какъ *будетъ пробуждаться жизнь сибирскаго общества*, несомнѣнно появятся художники, которые запечатлѣютъ величественную природу дѣвственной страны, оригинальный образъ жизни, *ея этнографическія* черты и ту своеобразную красоту, какою вѣетъ величественная тайга и горная природа Южной Сибири, не уступающая Швейцаріи». Въ первомъ изданіи «Сибири, какъ колоніи» (1882 г.) этой тирады не значится. Больше того: И. М. Ядринцевъ (см. ту же страницу) отмѣчаетъ цѣлый рядъ художниковъ, *конкретно заговорившихъ въ краскахъ о Сибири*. Но тутъ-то и обнаруживается та незаконченность эстетической теоріи Ядринцева, о которой мы скажемъ далѣе. Авторъ пишетъ уже не *о своихъ*, сибирскихъ, краскахъ, а лишь о творчествѣ *о Сибири*. Ясно, что это не одно и то же. Такъ, напр., онъ говоритъ: «Мѣстное пробужденіе въ *области художественнаго творчества* уже выразилось *появленіемъ* на выставкѣ картинъ *съ сибирскими сюжетами*; таковы картины талантливаго В. И. Сурикова». Замѣчу кстати, что въ лучшемъ случаѣ къ выраженію сибирскаго *быта* сводятся (въ 1892 году) и вообще художественныя мечтанія И. М. Ядринцева. Какъ главное же, онъ выдвигаетъ лишь музыкальное, театрально-драматическое и вообще художественное *образованіе и развитіе* Сибири.

Ж. Чужакъ.

взятыхъ на прокатъ у метрополіи, а выношенныхъ въ собственной душѣ, художественныхъ образовъ. И если каждая изъ насъ, «сторонъ», разсуждаетъ, допустимъ, эгоистически, т. е. они, областники, безпокоятся скорѣе о родной Сибири, а мы, пришельцы, стрстно жаждемъ новаго и новаго обогащенія и новыхъ жемчуговъ въ сокровищницу нашей матери Россіи, такъ вѣдь не сущіе ли это пустяки? Всѣ перепутья, всѣ пути ведутъ въ единый Римъ—міровую поэзію.

Въ чемъ наше разнорѣчіе (оперирую все время съ ядринцевской статьей, какъ съ программной для всего областничества)? Оно едвали ли ужъ такъ существенно. Такъ, лично я, напр., склоненъ думать, что Сибирь не только можетъ и должна имѣть своихъ поэтовъ, каковые придутъ „современемъ", но что она уже одного такого поэта въ прошломъ *имѣетъ*. Я говорю о Федоровѣ-Омулевскомъ, скончавшемся болѣе 30 лѣтъ тому назадъ,—поэтѣ, наиболѣе и крупномъ и *сибирскомъ*. Авторомъ цитированной выше статьи, его современникомъ, онъ какъ-то вовсе странно замолчанъ. О немъ во всей статьѣ И. М. Ядринцева находимъ только... 5-6 строкъ, а именно: „Что касается поэтовъ, то здѣсь только видимъ нѣсколько замѣтнымъ въ литературѣ покойнаго Федорова-Омулевскаго, но и онъ большую часть жизни посвящалъ инымъ, общимъ темамъ. Онъ не жилъ въ Сибири, и она не могла вѣять на него своей жизнью и природой". И—все. Больше—ни звука. Это—при многословномъ-то вниманіи къ невѣдомымъ Александровымъ, Таскинымъ и даже, хотя бы, Бальдауфамъ (объ этомъ, все же видномъ изъ старинныхъ, но *псевдо-сибирскомъ*, несмотря на трактовку сибирскихъ темъ, поэтѣ я надѣюсь побесѣдовать въ отдѣльной статьѣ)! Потомство оцѣнило Омулевскаго вѣрнѣе.

Здѣсь, при оцѣнкѣ его поэзіи, прежде всего бросается въ глаза очевидная методологическая ошибка Ядринцева. Вовсе не нужно постоянно „жить" въ Сибири, чтобы писать о ней проникновенные стихи. Поэтъ, по мѣткому опредѣленію Пушкина, творитъ „воспоминаніемъ", и такъ именно творилъ и Омулевскій, увезшій въ представленіяхъ о родинѣ туда, въ Россію, назойливо врѣзавшійся въ память съ дѣтства „звукъ цѣпей", наряду съ картинами сибирской природы, ея суровыми и глубокими образами и ея, наконецъ, своеобразной, но имѣвшей предпосылки въ условіяхъ того времени, идиллией (см. подробнѣе объ этомъ мою статью—„Сибирскіе мотивы у И. В. Федорова-Омулевскаго въ отношеніи формы и содержанія").

Есть и еще одинъ пунктъ въ интересующей насъ статьѣ, —къ сожалѣнію, не случайный для областничества,—это застарѣлое, какъ видите, недовѣріе къ пришельцамъ. взглядъ на нихъ, какъ на завѣдомыхъ сибирененавистниковъ, не говоря уже о неспособности ихъ воспринимать все колоритно-сибирское. И. М. Ядринцевъ, не обинуясь, подвергаетъ въ своей статьѣ всю «ссыльную поэзію» суровому остракизму. „Мы не касаемся—говоритъ онъ—въ нашемъ очеркѣ ссыльчой и изгнанической поэзіи. потому что она не мѣстнаго происхожденія, навѣяна совсѣмъ иными чувствами, носитъ печать субъективнаго ощущенія, передаетъ картины страны подъ вліяніемъ исключительныхъ впечатлѣній; страна для изгнанника рисуется совершенно иною, онъ вѣчно плачетъ, поетъ, въ немъ кипитъ желчь, ненависть къ странѣ ссылки. Его симпатіи въ другой странѣ, онъ вѣчно носится съ своей оставленной гдѣ-то „милой“. При такихъ условіяхъ страна не можетъ вдохновить пѣвца, а поэтъ останется ей чуждъ навсегда“.

Нужно ли говорить, что жизнь уже давно краснорѣчиво опровергла это невѣрное, вдобавокъ и теорически, положеніе? Меньше всего въ законахъ творчества играетъ роль „происхожденіе“ и «право жительства» и болѣе всего—способность „заражаться“, воспріимчивость. а также новизна и яркость впечатлѣній. Что касается послѣднихъ, то недостатка въ нихъ, какъ всякій знаетъ, нѣтъ и не было; въ отношеніи же воспріимчивости отказать огульно всѣмъ пришельцамъ—выражаясь скромно—врядъ ли справедливо. Впрочемъ, здѣсь, какъ и въ вопросѣ о возможности коренного сибирскаго творчества, у Ядринцева нужно поискать противорѣчій. И дѣйствительно, страницей далѣе читаемъ: «Словомъ, натура сибиряка совершенно иное. Ее нельзя сравнивать съ пылкой, одаренной воображеніемъ, страстью другихъ племенемъ и народностей. Великорусскія свойства подъ вліяніемъ историческихъ и соціальныхъ условій выражались здѣсь своеобразно. Особая впечатлительность, особая нервная система, привычка сдерживать душевныя настроенія, обусловливаетъ и степень воспріимчивости и увлеченія. Эта психологія сибиряка должна была отчасти выразиться въ художественности“. Допустимъ. Но вѣдь вотъ пришельцы-то какъ разъ этой „психологіей“ или, точнѣе, болѣзнью и не страдаютъ!

Подобно тому, какъ французскій пейзажъ созданъ горожанами, такъ и починъ въ открытіи сибирскихъ мотивовъ принадлежитъ метрополіи. Тамъ именно, въ Россіи, о Сибири издавна сложилось если и суровое, то въ мѣру романтическое

представленіе, и недаромъ же одинъ изъ лучшихъ и проникновеннѣйшихъ сибирскихъ образовъ въ поэзіи принадлежитъ Некрасову, *не „жившему“* въ Сибири, но умѣвшему воспринимать ея дыханіе такъ остро и такъ чутко, что сама Сибирь въ его твореніяхъ—*живетъ*.

А мало ли внесли въ великую кошницу—русскую поэзію—и вообще въ искусство—специфически-сибирскихъ красокъ, настроеній, образовъ позднѣйшіе писатели, „изгнанники“ Россіи—Короленко, Сѣрошевскій, Мельшинъ и другіе! Даже изъ современныхъ намъ сибирскихъ поэтовъ выдѣлился болѣе другихъ талантливымъ проникновеніемъ въ природу специфически-окрашенныхъ красокъ—пришлецъ, «изгнанникъ», «ссыльный»,—я хочу сказать о П. Дравертѣ, авторѣ книги „Подъ небомъ Якутскаго края“.

Надѣюсь, что читатель не пойметъ меня превратно—въ смыслѣ „заказанности“ для сибиряковъ воспринимать свое, сибирское, самимъ создать свои, рожденные Сибирью образы: нѣтъ, это бы противорѣчило не только предыдущимъ утвержденіямъ моимъ, но и прямому здравому смыслу. Рѣчь здѣсь, во-первыхъ, о *починѣ*, а во-вторыхъ, о новизнѣ и большей, значитъ, яркости впечатлѣній, въ силу которыхъ „чужеземцу“ легче выдвинуться, даже обладая, можетъ быть, и меньшимъ относительно талантомъ. Съ этой оговоркой я закончу разсмотрѣніе эстетической программы Н. М. Ядринцева и перейду къ другому идеологу областничества Г. Н. Потанину.

III.

Спеціально-эстетической платформы Г. Н. Потанинъ, поскольку извѣстно, не выдвигалъ, но это не мѣшаетъ намъ имѣть опредѣленное представленіе о воззрѣніяхъ его въ интересующей насъ области, благодаря обилію вкрапленныхъ въ отдѣльныя статьи его, трактующія самые разнообразные вопросы, мимолетныхъ мыслей о художествѣ. Нужно ли говорить, что Г. Н. Потанинъ, этотъ не только идеологъ, но и душа областничества, не только не расходится съ Н. М. Ядринцевымъ, но и значительно категоричнѣе его въ своихъ сужденіяхъ.

Въ статьѣ, напр., „Нужды Сибири“ (перепечатанной недавно въ юбилейномъ сборникѣ) онъ прямо задаетъ вопросъ: „Если физическія условія Сибири тѣ же, что и въ Европейской Россіи, то сибирская культура и сибирское искусство должны создать тождественныя произведенія съ произведеніями Европейской Россіи, но если эти внѣшнія вліянія другія,

то и творческая дѣятельность сибирскаго ума и воображенія должны пробить особое русло". И отвѣчаетъ: да, эти условія иныя, разница между ними «громадна», а естественныя красоты Сибири (ср. осторожныя признанія И. М. Ядринцева) даже выше другихъ.

„Сибирское небо если уступаетъ въ глубинѣ лазури южному небу, то во всякомъ случаѣ превосходитъ по своей красотѣ небо казанское, московское и пр., словомъ, небо въ пунктахъ, лежащихъ на одной широтѣ съ Сибирью къ западу отъ нея. Гости Сибири, явившіеся въ нее съ запада, находятъ ея вечернія зори и лунныя ночи красивѣе западныхъ. Звѣзды ночного неба въ Сибири кажутся крупнѣе"... „Нѣкоторые наблюдатели находятъ, что цвѣты сибирскихъ полей роскошнѣе и окраска ихъ ярче. И дѣйствительно, тролліусы въ Сибири окрашены въ оранжевый цвѣтъ, а не въ желтый, какъ въ Европейской Россіи; на эту разницу указываютъ и ихъ сибирскія названія: „огоньки", „жарки-цвѣты" и „рудожелтые цвѣты", т. е. кроваво-желтые. Также и желтый козлобородникъ въ Сибири переходитъ въ оранжевый. Отличные фотографическіе снимки съ сибирскихъ видовъ не всегда обязаны своимъ отчетливымъ исполненіемъ только искусству мастеровъ; сибирскій фотографъ имѣетъ добросовѣстнаго помощника въ лицѣ прозрачнаго сибирскаго воздуха. Дань удивленія могуществу сибирскаго солнца А. П. Чеховъ уплатилъ очаровательнымъ художественнымъ описаніемъ одной сибирской картины. Онъ слѣдилъ, какъ сибирская женщина мѣсила тѣсто, солнце черезъ окно обливало своими лучами и тѣсто и ея руки, и художнику-писателю казалось, будто сибирячка мѣситъ тѣсто на солнечныхъ лучахъ".... „Особенности сибирскаго климата неизбѣжно должны отразиться на искусствѣ, *если оно возникаетъ на сибирской почвѣ* (курсивъ мой—Н. Ч.). Въ живописи, *надо предполагать*, Сибирь дастъ хорошихъ колористовъ. Въ томъ же направленіи скажется вліяніе природы и на сибирской музыкѣ, какъ въ композиціи, такъ и въ техникѣ (?!—Н. Ч.)"...

Искусство...—«если оно возникаетъ». Но—«возникнетъ ли?»—вотъ вопросъ. „Если мы вѣримъ, что для человѣческаго общества будутъ интересны своеобразныя рѣшенія инородческаго ума, то почему не думать, что будетъ имѣть свою цѣнность и то, что будетъ выработано въ сибирской атмосферѣ русскимъ умомъ? Что будетъ создано, изобрѣтено, продумано и прочувствовано русскимъ человѣкомъ, переодѣвшимся въ остяцкую малицу и якутскіе торбаса, или русскимъ человѣкомъ, превратившимся въ горца въ алтайскихъ и са-

янскихъ ущельяхъ? Въ умѣ русскаго жителя Сибири живетъ неизгладимое сознаніе, что онъ живетъ не на родинѣ того ядра русскаго народа, которое создало русское государство, русскую литературу, русскую политическую жизнь, и ему не побороть въ себѣ желаніе продолжать творческую работу русскаго племени въ формахъ не старыхъ, а новыхъ, соотвѣтствующихъ его новой обстановкѣ. Это преломленіе русскаго народнаго духа подъ лучами сибирскаго солнца не обѣднитъ, а только обогатитъ русскую жизнь»...

Обращаясь къ оцѣнкѣ взглядовъ Г. Н. Потанина въ интересующей насъ области, отмѣтимъ, прежде всего, наше схожденіе. Оно, какъ и въ отношеніи И. М. Ядринцева—въ признаніи идеи „мѣстнаго художества“, какъ драгоцѣнной составной крупицы въ міровомъ художествѣ. Что же касается разнорѣчій, то они, несмотря на кажущуюся незначительность ихъ, все же и глубже и характернѣе, нежели расхожденіе, напр., съ программной ядринцевской статьей. Здѣсь мы не можемъ подписаться хотя бы подъ тѣмъ, что вообще приходится отнести за счетъ такъ называемаго „чувства мѣстнаго патріотизма“ (любовь къ Сибири И. М. Ядринцева, по-нашему—не то), какъ не можемъ принять и специфической терминологіи Г. Н. Потанина объ „обособленіи“ (мы допускали только само-осознаніе), «литературномъ и артистическомъ сепаратизмѣ“, не говоря уже объ основной точкѣ зрѣнія автора, допускающей скачки отъ „климата“ къ „интеллигенціи“, какъ средостѣнію между тѣмъ же «климатомъ» и «сибирской поэзіей». Но такъ какъ цѣль нашей статьи—не углубленіе всего ведущаго къ „обособленію“, а поиски объединяющихъ культурныхъ точекъ, то и останавливаться на этихъ разнорѣчіяхъ не будемъ. Побесѣдуемъ о главномъ—о возможностяхъ и достиженіяхъ.

Какъ недовѣрчиво смотрѣлъ И. М. Ядринцевъ на современную ему „сибирскую поэзію“, мы уже знаемъ. Обойдя даже и Федорова-Омулевскаго, онъ въ той же статьѣ писалъ: „Нѣкоторая искусственность и принужденность до сихъ поръ сохраняется у людей, пробующихъ воспѣвать Сибирь. Съ этимъ недостаткомъ не могутъ справиться наши молодые писатели. Въ чистой лирикѣ, въ области чувства не поможетъ одна счастливая тема, не поможетъ сантиментальность, красивая фраза и реторика. Искусственно тутъ ничего не сдѣлаешь. Эта реторика, высокопарность и искусственность загубила старыхъ поэтовъ, отняла у нихъ всякое значеніе; ея надо страшиться пуще огня и новымъ“... Въ нѣсколько болѣе

приподнятомъ тонѣ, но далеко не восторженно говоритъ о наличномъ творчествѣ сибиряковъ и Г. Н. Потанинъ. „Литературная весна Сибири—читаемъ въ статьѣ „Нужды Сибири“—не похожа на весну сибирской природы. Эта *литературная нищета Сибири* и такіе длинные роды этой литературы *легко* (подчеркиваю я—Н. Ч.) объясняются составомъ сибирскаго общества“. Въ дальнѣйшихъ своихъ статьяхъ Г. Н. Потанинъ никакихъ поправокъ въ эту оцѣнку не внесъ.

Мы не смотрѣли бы на творчество сибиряковъ какъ и въ прошломъ (Федоровъ-Омулевскій), такъ и въ настоящій моментъ столь скептически. Отдѣльные поиски *своихъ* путей въ поэзіи уже замѣчаются; въ беллетристикѣ рядъ молодыхъ писателей также ищетъ выраженія своимъ, порою недосознаннымъ, образамъ и мечтамъ; въ живописи уже есть нѣчто кристаллизовавшееся и несомнѣнное—Г. Н. Гуркинъ; въ театрѣ и музыкѣ (тоже завѣтная мечта областниковъ)... ну, этого вопроса мы касаться не будемъ. Тѣмъ не менѣе, и намъ,—вотъ уже въ наши дни,—приходится, въ виду преобладающей *безликости* въ сибирскомъ творчествѣ, писать скорѣе о возможностяхъ, чѣмъ достиженіяхъ.

Но тутъ уже, въ смыслѣ дальнѣйшихъ надеждъ, насъ спасаетъ наша общая точка зрѣнія, которую мы назвали бы *діалектически*-матеріалистической (связь духа съ *развивающейся* матеріей) и которая дала намъ основаніе признать непризнаннаго Ядринцевымъ Омулевскаго все же первымъ *сибирскимъ поэтомъ*, появившимся, „разсудку вопреки“, въ моментъ, когда количество духовныхъ богатствъ, накопленныхъ Сибирью, было ничтожно и когда о краевой интеллигенціи, этой панацеѣ областничества, еще не было и помину. Та же точка зрѣнія посильно намѣчаетъ выходъ и изъ кажущейся безнадежности сибирскаго художества въ настоящій моментъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть какое-нибудь сравненіе между тѣмъ историческимъ моментомъ, когда выступалъ Омулевскій, и настоящимъ временемъ? Конечно, нѣтъ, и забывать это—значитъ никогда не добраться до истинной причины скудости сибирскаго художества въ настоящій моментъ. „Климатическія“ и прочія (изъ области „физическихъ“ и, значитъ, относительно говоря, неизмѣнныхъ) причины, разумѣется, играютъ свою роль, но въ конечномъ-то счетѣ вопросъ рѣшается не ими, а той хозяйственно-производственной и соціально-политической конъюнктурой, которая, мѣняясь, мѣняетъ и психику человѣка-творца. „Времена мѣняются и мы въ нихъ“—говорили древніе, и это вѣрно. Но попробуйте

примѣнить это положеніе къ „климату“, и вы получите такую логическую окаменѣлость, которая сводитъ на нѣтъ всю исторію и все развитіе. *)

Такіе дивные цвѣты въ Сибири, даже лучше, чѣмъ гдѣ либо, и небо такое прекрасное,—ну, совсѣмъ, какъ южное, даже еще почище будетъ,—а вотъ, поди же, *скончавшійся болѣе 30 лѣтъ назадъ* Омулевскій его замѣтилъ и воспѣлъ (что, не въ примѣръ И. М. Ядринцеву, констатируетъ и Г. Н. Потанинъ, подкрѣпляя свое конкретно-правильное наблюденіе цитатой), а наши *современные* сибирскіе поэты его не только не видятъ, а будто и видѣть не хотятъ. Вдобавокъ, и „интеллигенціи краевой“ тогда почти-что не было, а нынѣ, слава Богу. Вотъ вамъ и «климатическая» точка зрѣнія! Ясно, что нужно поискать другого объясненія.

Сибирь того времени, времени Омулевскаго,—уже искали мы однажды объясненія,—представляется страною съ довольно отличнымъ отъ современнаго жизненнымъ, а слѣдовательно и духовнымъ, укладомъ. Юная страна, только что начавшая тогда выходить на арену исторіи, переживала стадію развитія, которую лучше бы всего характеризовать, какъ періодъ патріархально-хищническій. Отсутствіе сколько-нибудь замѣтной дифференціаціи въ крестьянствѣ; полное незнаніе одной изъ злѣйшихъ современныхъ намъ болѣзней—розни между старожильческимъ населеніемъ и новоселами; хозяйство, еле выходившее изъ пеленокъ натуральнаго; хищническая эксплуатація природныхъ богатствъ Сибири—главнымъ образомъ,

*) Интересно отмѣтить, раздѣляемая нами точка зрѣнія была не чужда и И. М. Ядринцеву. Такъ, несомнѣнно, что судьбы сибирской поэзіи въ цитированной нами статьѣ онъ разсматривалъ съ точки зрѣнія развитія. Больше того, у него же имѣется мимолетное, но достаточно ясное отрицаніе точки зрѣнія климатической. Вспомните тираду: психологія сибиряка складывалась подъ вліяніемъ исторически-соціальныхъ условій,—эта психологія должна была сказаться и въ художествѣ,—«*окружающая природа и внѣшняя сторона жизни тутъ не причемъ*»,—«природа въ Сибири жила сама по себѣ, человѣкъ самъ по себѣ»,—и т. д. Отдѣльныя, на нашъ взглядъ, ошибки И. М. Ядринцева, нами отмѣченныя, отнюдь не говорятъ еще объ ошибочности основной точки зрѣнія, и могутъ быть объяснены различно. Важно то, напримѣръ, что примѣненіе діалектической философіи при *эстетической* оцѣнкѣ художества (отрицаніе прекраснаго, какъ абсолюта, а отсюда отрицаніе и всей традиціонной эстетики; установленіе эстетической условности, при соблюденіи единаго требованія—органической связи между содержаніемъ и формой; и т. п.), сдѣланное нами въ статьѣ о поэзіи Омулевскаго, не было сдѣлано И. М. Ядринцевымъ.

Ж. Чужакъ.

золотоносныхъ источниковъ и пушнины; самая организація этихъ промысловъ, неожиданно возносившая вчерашняго голыша на высоту матеріальнаго благополучія и столь же неожиданно свергавшая случайнаго богача съ пьедестала; совершенно хищническое отношеніе къ нагло обманываемому, спаиваемому и всячески развращаемому инородцу, этому рабу и дикарю одновременно; составъ, наконецъ, такъ называемаго „коренного“ населенія Сибири и живая связь его съ традиціями ссыльно-каторжнаго міра; очевидная сплоченность демократіи въ противовѣсъ чисто-кастовому сплоченію чиновничества,—все это наложило на сибиряка того періода печать высоко колоритную, создавъ дѣйствительно портретъ оригинальный, рѣзко отличный отъ россіянина, и—что важно—*въ высшей степени цѣльный и выпуклый.*

Духовныя цѣнности, накопленныя и усвоенныя этимъ сибирякомъ,—нѣчто вольнолюбиво-патріархально-хищническое одновременно,—были чрезвычайно примитивны, это вѣрно. Но усвоены онѣ, эти цѣнности, были основательно, держались крѣпко и—что главное—невольно напрашивались на фиксацію. И было бы странно, если бы вышедшій изъ Сибири того времени поэтъ не зафиксировалъ этихъ несложныхъ сравнительно цѣнностей, не создалъ въ своемъ творчествѣ мотивовъ, на которыхъ яркій отпечатокъ „сибирскаго“. *Цѣльность идеологіи того періода породила и поэта колоритнаго и цѣльнаго, съ огромнымъ интересомъ ко всему родному, ко всему народному,—всему сибирскому.*

Въ неизмѣримо худшемъ положеніи оказываются новѣйшіе сибирскіе поэты. Сибирь, какъ мы уже отмѣчали однажды, развивалась за послѣднія десятилѣтія крайне интенсивно, и хотя не все, характерное для того періода, періода патріархально-хищническаго, нынѣ изжито, но несомнѣнно то, что новая Сибирь безмѣрно далека какъ отъ хозяйственной, такъ и психологической цѣльности Сибири старой: разсматривать ее, какъ нѣчто въ бытовомъ и идеологическомъ отношеніи единое, было бы смѣшно, ибо наивно. Старыя идеологическія цѣнности уже перестали удовлетворять своей элементарностью, а то и фальшью, а новыя цѣнности еще не накоплены; то же немногое, что смутно назрѣваетъ въ смыслѣ образовъ, такъ трудно поддается выявленію. Новое содержаніе требуетъ и новой формы, что еще больше затрудняетъ это выявленіе, больше отталкиваетъ отъ всего банальнаго и готоваго.

Новый сибирскій поэтъ долженъ не только осознать назрѣвшее и назрѣвающее содержаніе далекихъ отъ былого примитива новыхъ сибирскихъ образовъ, но и вмѣстить ихъ въ

свою душу, пропустить сквозь призму своего творческаго и. слѣдовательно, отличнаго отъ всѣхъ другихъ, „я“. Онъ долженъ, далѣе, оформить это содержаніе, облечь его живою плотью истинной поэзіи, претворить въ своихъ, сибирскихъ, ново-сибирскихъ краскахъ. Поэзія Омулевскаго охватила сибирское, но далеко не все, конечно: масса красокъ осталась неподмѣченной, невыявленной въ творчествѣ, иныя краски устарѣли и недостаточно выпукло передаютъ сибирское. Одни мотивы представляются элементарными, другіе отжившими и невѣрными. Сложность новыхъ красокъ, безконечно углубленныхъ, многогранность образовъ, безмѣрно осложненныхъ—требуютъ и формы гибкой и выразительной.

Положеніе, какъ видите, не легкое. Но выходъ изъ него, по-нашему, одинъ: разставшись съ пережитками уже изжитыхъ цѣнностей (такова соціально-политическая идеологія областничества), направить творчество окраины въ русло научнаго (по методу) познанія условій общественной жизни,—въ русло общественно- хозяйственнаго, культурнаго и всякаго иного самоопредѣленія.

Каждый шагъ въ послѣднемъ направленіи, всякій новый шагъ въ поискахъ тѣхъ формъ, въ которыя могла бы уложиться жизнь окраины, есть въ то же время и новый шагъ къ выявленію своего, окраиннаго лика,—въ направленіи къ взыскуемымъ въ концѣ концовъ образамъ и сибирскаго художественнаго творчества. Стоитъ только утвердиться на этой точкѣ зрѣнія, какъ тотчасъ отпадаетъ и основной источникъ пессимизма въ связи съ наличной слабостью сибирскаго мотива въ русской поэзіи, съ замѣтной скудостью накопленныхъ Сибирью духовныхъ богатствъ. *Переходное время*,—говоримъ мы,—и только. Нужно его поскорѣе изжить, *нужно направить всѣ усилія къ тому, чтобы оно какъ можно скорый было изжито.*

Нѣкоторую утѣшительную аналогію съ временной скудостью сибирскаго творчества представляетъ, на нашъ взглядъ, пресловутая же скудость пѣсеннаго творчества, обычно наблюдаемая при переходѣ, напр., вчерашней деревни въ сегодняшній фабричный поселокъ. Наступаетъ моментъ, когда стройная цѣльность красивой по-своему народной пѣсни перестаетъ удовлетворять выросшее при усложненной жизни молодое поколѣніе и задушевную народную пѣсню вытѣсняетъ безобразная, но все же пытающаяся оформить какое-то новое, незамѣтно народившееся содержаніе, фабричная частушка.

Мы знаемъ: отстоится это новое въ душѣ, и безобразную частушку, этотъ временный пауперизмъ духовный, смѣнятъ новые напѣвы, еще болѣе, нежели старинная пѣсня, прекрасные и свѣтлые.

То же самое—вѣримъ мы—будетъ и съ сибирской поэзіей.

Н. Чужакъ.

Изъ бурятскихъ загадокъ.

1. Рыжій, а не конь; съ рогами, а не быкъ; шестиногій безъ копытъ?

Отгадка: тараканъ.

2. Носа нѣтъ, ротъ есть, безъ реберъ позвоночный столбъ, 24 уха и 2 голыя ноги.

Палатка.

3. Въ заплатахъ синяя шапка.

Звѣздное небо.

4. На скатѣ горы косые унты.

Уши.

5. Если взять, то въ горсти нечего держать, а если пустить, то всю степь наполняетъ.

Глаза.

6. Черный шелкъ, но отрѣзать нельзя.

Вода.

7. На свѣтѣ есть три недостатка. Какіе?

У неба нѣтъ подпорки, у горы нѣтъ пояса, а у моря нѣтъ покрышки.

8. Подъ подушкой пустое письмо.

Сонъ.

9. Безъ шеи верблюдъ идетъ черезъ хребетъ.

Дорога.

10. Уртэй эхэнэръ (т. е. сварливая женщина).

Собака.

А. Фарафонтовъ.

Изъ сибирской старины.

Ничто не ново подъ луною! Такъ называемыя патріотическія картинки существовали и ранѣе; во второй половинѣ XVIII столѣтія, въ царствованіе Екатерины II, въ Тобольскѣ была издана сибирскимъ губернаторомъ Оед. Иван. Саймоновымъ картина, которая изображала Россію „въ подобіи молодой женщины, накрытой покрываломъ, по правую оной руку стоящаго императора Петра I въ полномъ императорскомъ одѣяніи, который скипетромъ, держащимъ въ рукахъ, снимаетъ съ глазъ Россіи сказанное покрывало, по лѣвую руку—императрицу Елисавету Петровну, держащую въ правой своей рукѣ свитокъ; надъ ними стоящихъ въ облакахъ князя Владиміра съ крестомъ и царя Іоанна Васильевича со скипетромъ и державой, въ древнемъ ихъ царскомъ одѣяніи: внизу, во второмъ отдѣленіи, изображенъ императорскій чертогъ, убранный ароматическими растеніями, въ немъ стоящая высокодостойныя памяти государыня императрица Екатерина II въ полномъ императорскомъ одѣяніи, имѣющая на главѣ большую корону: предъ ней предстоитъ ея наслѣдникъ, нынѣ благополучно царствующій всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь и самодержецъ всероссійскій Павелъ Петровичъ въ морскомъ мундирѣ и порфирѣ. Подъ всѣмъ оным изображена надпись сицевая:

Ликуй и веселись, блаженная Россія!
Тебѣ отъ Высоты даны лѣта златыя,
Тебя крещеніемъ Владиміръ просвѣтилъ,
Тебѣ монаршу власть царь Іоаннъ вручилъ,
Отцемъ отечества науки насаждены,
Елисаветинымъ трудомъ распространены.
Умножь, Екатерина, звукъ побѣдъ,
Надежда россіянъ наслѣдникъ Павелъ твой растетъ! *)

*) Изъ рукописи начала XIX стол. озаглавленной: «Собраніе разн. любопытства заслуживающихъ словъ и рѣчей, говоренныхъ въ разное время разными особами, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ тожъ нужнѣйшихъ и. и полезнѣйшихъ извѣстій. Собрано и во едино совокуплено тобольск. 2-й гильдіи купцомъ и фабрикантомъ Дмитріемъ Васильевичемъ Корнильевымъ»

Иванъ Трунинъ „артиллеріи 2-го канонирскаго полку сержантъ“, бывшій ученикъ тобольскаго главнаго народнаго училища, сотрудникъ издававшагося въ Тобольскѣ подъ редакціей П. П. Сумарокова журнала „Иртышъ превращающійся въ Ипокрену“, поднесъ А. В. Алябьеву, правителю тобольской намѣстнической канцеляріи, на Новый 1793 годъ длинную оду своего сочиненія, состоящую изъ десяти куплетовъ: чтобы дать понятіе объ этомъ стихотвореніи, мы приведемъ только первый и десятый куплеты:

„Уже лучи прекрасна Ѳеба
Верхи Рифейскихъ горъ златятъ
И звѣзды со средины неба
Въ пучины Атлански летятъ.
О ты! седьми планетъ владѣтель,
Блаженства нашего свидѣтель,
Коль красенъ въ сей день твой восходъ!
Се управляя временами,
Съ престола царства надъ мірами
Низводишь къ намъ днесь Новый Годъ!“

* * *

„Се свѣтло облако спустилось
Съ лазурна яхонта небесъ,
На немъ собранье буквъ явилось,
Перстомъ что изваялъ Зевесъ.
Главу подъемлетъ вся вселенна,
Явленьемъ симъ изумлена;
Возведши очи къ небесамъ,
Читаемъ волю Свѣтовъ Свѣта:
Продливъ Екатерины лѣта,
Вамъ, Россы, вяще благо дамъ“! *)

Другой тобольскій стихотворецъ С. Пылаевъ сочинилъ „элегическіе стихи на день блаженныя кончины преосвященнаго Варлаама, архіепископа сибирскаго и тобольскаго, послѣдовавшей 1802 года 27-го декабря“:

„О дня печальный часъ, покройся мракомъ свѣтъ!
Восплачь со мной, Тобольскъ: ужъ Варлаама нѣтъ.
Восплачьте днесь и вы, о струи Иртыша,
Во ледистый океанъ сквозь Обь на востокъ спѣша.
Скажите вы и тамъ, что кроткій Варлаамъ,

*) «Собраніе» Корнильева.

Любезный пастырь намъ, отшелъ ужъ къ небесамъ.
Не нужно похвалы писать такимъ мужамъ,
Едва ли кротостью подобный будетъ намъ.
Каковъ былъ Варлаамъ, святитель всѣмъ извѣстный,
Онъ преподобенъ, святъ,—слова мои не лестны.
Творецъ небесъ-земли, печальный гласъ внемли:
Да будетъ пастырь намъ подобный Варлаамъ! *)

Судя по архивнымъ даннымъ, въ Сибири, особенно въ царствованіе Екатерины II, красивыя и громкія фразы, вродѣ „блаженства народовъ“, „твердость законовъ и т. п., были только на бумагѣ и на словахъ, но на обширной, мало заселенной, однако богатой разными дарами природы странѣ не такъ сильно отражались темныя стороны тогдашнихъ всероссійскихъ порядковъ, хотя довольно густая и мрачная туча некультурности висѣла надъ страной. Но какъ въ предразсвѣтномъ сумракѣ кое-гдѣ изъ за тучъ начинаютъ пробиваться робкіе полоски свѣта—признаки грядущаго утра, такъ и среди сибирскаго общества конца XVIII и начала XIX столѣтій провертываются люди другихъ міровоззрѣній; кругозоръ человѣка расширяется, мысль постепенно освобождается отъ разныхъ путъ и дѣлается болѣе свободной, появляется болѣе смѣлое критическое отношеніе къ явленіямъ окружающей жизни, намѣчаются, хотя и не совсѣмъ ясно, новыя теченія сибирской жизни. Время дѣлаетъ свою неустанную работу. Старыя времена и старые люди отходятъ въ вѣчность и на смѣну имъ появляются новыя времена и новые люди.

Ничто такъ не доказываетъ *ничѣмъ не остановимое движеніе впередъ* сибирскаго общества, безъ сомнѣнія, къ лучшему будущему, какъ сухіе и скучные, на первый взглядъ, архивные *документы*, рисующіе прошлую жизнь Сибири, особенно если брать для сравненія архивныя данныя, отдѣленныя другъ отъ друга болѣе значительными промежутками времени, напр. лѣтъ въ сто, причемъ движеніе это вычерчиваетъ, если такъ можно выразиться, кривую линію: два шага впередъ, шагъ назадъ, и это понятное движеніе реакціи продолжается иногда годами.

Къ новымъ теченіямъ сибирской жизни мы относимъ сборники въ стихахъ и въ прозѣ «неизвѣстнаго», написанные старинным почеркомъ и относящіеся къ 20-мъ—30-мъ годамъ XIX столѣтія: до насъ дошли только 2-й и 5-й тома

*) «Собраніе» Корнильева, въ которомъ описано погребеніе архіеп. Варлаама; см. также «Тобольск. Губерн. Вѣдом.» и «Тобольск. Епарх.. Вѣдом.» за 1871 г.

рукописей въ 4°, заключающіе въ себѣ отрывки изъ сочиненій русскихъ писателей тѣхъ временъ; Лермонтовъ, Кольцовъ и Гоголь, вѣроятно, не были еще извѣстны автору сборниковъ, такъ какъ ихъ творенія не встрѣчаются здѣсь. Есть также мысли изъ сочиненій Сократа, Горація, Конфуція, Шекспира, Боссюэта, Массильона, Гете, Ж. Ж. Руссо, Франклина, Купера, Бальзака и другихъ иностранныхъ писателей, а нѣкоторыя мысли и стихотворенія, можетъ быть, принадлежатъ самому составителю сборниковъ.

Сборники имѣютъ длинное заглавіе слѣдующаго содержанія:

„Вѣкъ живи и вѣкъ учись".

„Непотерянные часы досужества, или вспомогательныя средства, служащія къ просвѣщенію и замѣчанію на пути жизни, извлеченныя частицами изъ разныхъ и лучшихъ сочиненій въ теченіи съ лишнимъ 30-ти лѣтъ. Будьте увѣрены, что написанное въ этихъ книгахъ стоитъ переплета. Вы вѣрно желаете знать истинной предлогъ, для чего я къ составленію этой смѣси приступилъ? Извольте, вотъ вамъ и объясненіе: я, какъ за старостью, уволенный отъ службы, нахожусь больше дома, имѣю свободное время, частію нѣсколько памятя о преждечитанномъ и избѣгаю скуки, дабы не дать праздности торжествовать надо мной. Итакъ видите сколько было побудительныхъ причинъ собрать для руководства въ жизни чужія мысли и нравоученія, которыя здѣсь въ отрывкахъ и предлагаю, а въ награду за это ожидаю одного терпѣнія, чтобы почитали. Это сочиненіемъ назваться не можетъ, что изъ разныхъ книгъ выбрано, слѣдовательно и никакой критикѣ подлежать не будетъ. Томскъ".

Приведемъ изъ этихъ сборниковъ нѣсколько выдержекъ:

Счастье.

Для всѣхъ одна участь —могила! Но счастливъ тотъ, кто во время краткаго своего земного поприща исполнилъ долгъ свой, снискалъ любовь своихъ приближенныхъ и уваженіе соотечественниковъ.

Честь.

У человѣка честь есть сильная пружина образованности; она нерѣдко возвращаетъ труса къ самому себѣ и закрываетъ образъ смерти блестящимъ покровомъ.

Книги.

Книги, воображеніе и пріятная дружеская бесѣда съ милыми сердцу едва ли не перевѣшиваютъ сумму горя на вѣсахъ жизни.

Науки.

Любовь къ наукамъ облагораживаетъ человѣка и дѣлаетъ его лучшимъ.

Кокетство.

Немного кокетства столько же нужно красавицѣ, какъ вѣжливость образованному человѣку; оно состоитъ въ благопристойности, чистомъ и отличномъ вкусѣ убранства, въ искусствѣ привлекать почтеніе мужчинъ, удерживая ихъ въ предѣлахъ скромныхъ, однимъ словомъ.—средина между несноснымъ жеманствомъ и предусудительною вольностью въ обращеніи.

Картежникамъ.

Посмотрите! Не жалки ли эти юные, безбородые игроки, которые теряютъ драгоцѣнное время за вистомъ или бостономъ, вмѣсто того, чтобы употребить его на довершеніе своего школьнаго воспитанія, на образованіе своего ума чтеніемъ или умною бесѣдою.

Красота.

Необразованная красавица не болѣе, какъ цвѣтокъ въ рукахъ трефовой дамы, отъ котораго столько-жъ мало прибыли, какъ и запаху.

Клеветникъ.

Клеветникъ есть опаснѣйшій въ государствѣ человѣкъ, потому что соединяетъ въ себѣ всѣ злодѣянія; онъ воръ, который вкрадывается въ дома и похищаетъ нѣчто большее, нежели золото и серебро; онъ убійца, который нападаетъ на обезоруженнаго и часто лишаетъ большаго, нежели жизнь,—добраго имени.

Библіотека.

Если у кого въ библіотекѣ и не хранится вся мудрость, то тѣмъ не менѣе книги суть драгоцѣннѣйшія произведенія ума, это единственные представители благороднаго стремленія рода человѣческаго къ лучшему.

Женщина.

Женщину слѣдуетъ разсматривать съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія: какъ дѣвицу, какъ супругу и какъ мать, она имѣетъ въ сихъ различныхъ состояніяхъ большое вліяніе на мужчинъ, а слѣдовательно, и на все общество.

Спѣсь.

Лакей въ парадномъ одѣяніи есть обшитое мишурнымъ галуномъ проявленіе барской спѣси.

Мечты.

Мечты, какъ хрустальныя игрушки, красивы, но не прочны.

Ханжа.

Ѣздить каждый день къ обѣднѣ,
Бьетъ людей своихъ въ передней,
Любитъ мужа муштровать
И оброки собирать.
Смотритъ набожной старушкой,
Цѣлый день сидитъ за мушкой
Или ѣздитъ по гостямъ
Клеветать на прочихъ дамъ.
Молодежь морали учитъ,
Дѣвокъ всѣхъ стрижетъ и мучитъ,
Страсть другимъ считать года,
А свои сбавлять всегда.
За копѣйку будетъ драться,
За сто верстъ пойдетъ спасаться,
Отъ нея-жъ спасенья нѣтъ:
Въ силетни путаетъ весь свѣтъ!

Кузнецовъ-Красноярскій.

ИЗЪ АЛТАЙСКИХЪ ПОГОВОРОКЪ.

1. Порука—наука.
2. Паршивая корова не во-время телится.
3. Провелъ вѣкъ за холщевый мѣхъ.
4. Хитеръ: первый тащитъ мясо изъ горшка!
5. При худѣ то худо, а безъ худа то и того еще хуже.
6. Уговоришься на берегу, потомъ и тынъ за рѣку.
7. Богъ дастъ, пусть чортъ броситъ крюкъ.
8. Осудила чурка палку.
9. Стою я на Аоонскихъ горахъ—три ангела въ головахъ.

В. Г.

МАТЕРІАЛЫ ПО ОТРЕЧЕННОЙ СИБИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

I.

Описаніе, найденное во гробѣ Господа нашего Іисуса Христа, составленное въ эпоху гоненія христіанъ за вѣру.

Господь Іисусъ Христосъ внялъ искреннимъ мольбамъ святыхъ угодницъ: царицы Елизаветы, Матильды и св. Бригитты, въ коихъ они многократно просили Іисуса Христа открыть имъ подробности своихъ страданій на землѣ, предсталъ предъ ними въ полной славѣ своей и сказалъ:

„Знайте отнынѣ, что воиновъ, пришедшихъ взять меня, было 23 человѣка; исполнителей приговора было 32 человѣка; ударовъ во главу мою сдѣлано 50; въ саду нанесено 103 удара; понужая меня подняться съ земли, сдѣлали 80 ударовъ въ грудь и голову; на веревкѣ за власы влекли меня 12 разъ; плевали въ лицо 300 разъ; стегали кнутомъ 6666 разъ; всѣхъ ранъ на тѣлѣ моемъ 110 и на главѣ тоже 110; висѣлъ я на крестѣ два часа и въ это время вздохнулъ 129 разъ, рвали и таскали за браду 12 разъ; голова пробита терніемъ въ 103 мѣстахъ и въ это время плевали въ лицо мнѣ 150 разъ; воиновъ, ведущихъ меня ко кресту, было 508, крови истекло изъ меня 3008430 капель.

Кто будетъ ежедневно читать по 7 разъ „Отче нашъ“ и „Богородицу“ въ продолженіи 12 лѣтъ, чтобы составилось число капель крови, вытекшей во время страданій, тому я пошлю милости: 1) прощеніе грѣховъ; 2) избавленіе отъ всякихъ мученій на томъ свѣтѣ; 3) умершему ранѣе 12-лѣтняго срока засчитано будетъ тоже прощеніе; 4) я самъ буду молиться на небеси за душу такого человѣка и даже за близкихъ родныхъ его.“

Носившій постоянно при себѣ это описаніе страданій Господнихъ, не подвергнется тяжкой болѣзни, ни не ожиданной смерти; не умретъ безъ принятія св. таинъ, защищенъ будетъ отъ всякаго повѣтрія, отъ непріятелей, отъ преслѣдованія властей, отъ злыхъ людей и ложныхъ свидѣтелей.

Въ чьемъ домѣ будутъ находиться сіи слова Господа нашего Іисуса Христа, тому не испытать никакой измѣны, а за 40 дней до своей смерти человѣкъ, исполняющій съ вѣрою и любовью къ Богу все здѣсь предписанное, удостоится особенной милости и увидитъ самую Матерь Божію.

Женщины, имѣющія сіи слова во время беременности при себѣ, освобождаются отъ мученій при родахъ.

II.

Слово о хожденіи Пресвятыя Богородицы по мукамъ.

Восхоще ходити Пресвятая Богородица, идѣже муки вѣчныя; и взыде на гору Сіонскую и помолися. И абіе пріиде къ ней архангелъ Михаилъ и рече ей: „что повелиши, преблагословенная?“ Богородица рече ему: „радуйся, архистратигъ Михаилъ, старшій надъ всѣми небесными силами!“

1-й судъ.

„Повели, Михаилъ архангелъ, открыть западную сторону.“ Открылася. И виде Пресвятая Богородица множество народа во озерѣ огненномъ; и рече Пресвятая Богородица: „что согрѣшеніе ихъ?“—„Патріархи, царіе, князи, архіереи, попы и чернецы, которые не исполняли законъ Божій и не учили страху Божію дѣтей своихъ.“

2-й судъ.

Виде Пресвятая Богородица рѣку огненную, въ оной много народу. Рече Пресвятая Богородица: „что согрѣшеніе ихъ?“—„Которые не вѣровали во святую церковь и Троицу“.

3-й судъ.

Виде Пресвятая Богородица тьму кромѣшную; въ оной много мученій и женъ мучатся. Рече Пресвятая Богородица: „что согрѣшеніе ихъ?“—„Тати, которые не покаялись, умроша; будутъ во вѣкъ мучиться.“

4-й судъ.

Рече Михаилъ архангелъ: «како, госпожа, хощеши пойти: на сѣверъ, на западъ и на востокъ?»

Приступиша къ ней херувимы, серафимы и всѣ четыре тысячи ангеловъ и поидоша на полуденную сторону.

Виде Пресвятая Богородица огненную рѣку и много народу въ оной стоитъ по горло. «Что сіи согрѣшиша?» — «Суть

родителей не почитали; кои стоятъ вверхъ главъ и во огнѣ горятъ—кумоложествовали и блудили».

5-й судъ.

Виде Пресвятая Богородица много людей, за ухи висящихъ. „Что сіи согрѣшиша?“—„Тѣ—которые божественнаго пѣнія не хотѣли слушать.“ И прослезилась Пресватая Богородица: „лучше не родиться, нежели такое согрѣшеніе имѣть“.

6-й судъ.

Рече Михаилъ архангелъ: «еще ты не видѣла мукъ». Рече Пресвятая Богородица: „пойдемъ на западную сторону“. И пріиде. И виде много народу съ облакъ простерта, на нихъ постель огненная. Рече Пресвята Богородица: „что согрѣшеніе ихъ?“—„Тѣ-которые не вставали къ заутрени или божественной литургіи въ недѣли господнія и праздники“. Рече Пресвятая Богородица: „аще не мощенъ?“ Отвѣща Михаилъ архангелъ: «немощнымъ бо пѣсть мученія».

7-й судъ.

Виде Пресвятая Богородица столбы огненные и на тѣхъ столбахъ много народу въ пламенномъ огнѣ горитъ. „Что сіи согрѣшиша?“ Отвѣща архангелъ Михаилъ: „тѣ—которые священника ни во что почитали во время божественнаго пѣнія въ Божіей церкви“.

8-й судъ.

Виде Пресвятая Богородица столбы желѣзные, круги желѣзные и на тѣхъ кругахъ множество народу висяще за языки. „Что согрѣшеніе ихъ?“ Отвѣща Михаилъ: „сіи суть шептуны, язычники, блудники, сквернословцы. Буди по дѣломъ ихъ“.

9-й судъ.

Виде Пресвятая Богородица людіе висяци, по тѣлу ихъ кровь текуща. Рече Пресвятая Богородица Михаилу архангелу: „что согрѣшеніе ихъ?“—„Священники службу Божью съ небреженіемъ служили“.

10-й судъ.

Виде Пресвятая Богородица звѣри терзаютъ тѣла окаянныхъ жидовъ, которые били въ лицо Господа нашего Іисуса Христа, плевали, трость въ руки давали, желчію въ уста его святыя напоили, терновый вѣнецъ на главу его возлагали, каменіе велики привалили.

11-й судъ.

Виде Пресвятая Богородица много народу: изъ устъ ихъ пышетъ огонь, змѣи сосутъ сердца ихъ. „Что сіи согрѣшили?“ Отвѣща архангелъ: „священники и тѣ люди—кои своихъ женъ оставляли, а чужихъ имѣли, или жены своихъ мужей покинули, а съ другими жили. Того ради и мучаются“.

12-й судъ.

Виде Пресвятая Богородица рѣку огненную, яко кровь; въ той рѣкѣ много народу въ огнѣ неугасимомъ. Вопроси Пресвятая Богородица: „что сіи согрѣшили?“ Отвѣща Михаилъ: „то суть прелюбодѣйцы и сребролюбцы, немилосердные грѣшники, не покаявшіеся во грѣсѣхъ своихъ“.

13-й судъ.

Рече Пресвятая Богородица: „пойдемъ на сѣверную сторону“. Отъиде, и приступиша къ ней четыре тысячи ангеловъ. И увиде пресвятая Богородица рѣку огненную, въ той рѣкѣ много народу въ котлахъ кипящихъ и черви ядоша. „Что сіи согрѣшиша?“ Отвѣща Михаилъ: „это суть тѣ—кои отреклись отъ Христа и Святого Духа, съ сестрами блудъ творили, разбойники младенцевъ губили“.

14-й судъ.

Рече Михаилъ архангелъ: „пойдемъ, госпожа, повѣмъ ти мученія христіанамъ, которые дѣла дьявольскія творили“. И паки рече ей Михаилъ: „госпоже Богородице! Помолимся за согрѣшенія христіанскихъ душъ, за грѣхи ихъ и мученія. Пресвятая Богородице! Пролей прошеніе о страдающихъ ко Царю и Богу“. Тогда гласъ слышанъ съ небеси быть ко Маріи: „сему мученію не будетъ конца, по дѣломъ ихъ!“ Рече Пресвятая Богородица: „помолюся Тебѣ, Господу Богу моему, не за жидовъ согрѣшенія, но за христіанскія души.“ Потомъ рече Господь нашъ Іисусъ Христосъ: „за несотвореніе моей воли, за несоблюденіе вѣры христіанскія, непослушаніе заповѣдей моихъ, святого моего евангелія и за отступленія отъ вѣры“. Отвѣща ему Пресвятая Богородица: „пощади созданіе свое, Господи Іисусе Христе; христіанскія души изведи изъ муки мучныя“. Рече на сіе Господь нашъ Іисусъ Христосъ: „Азъ сотворихъ перваго человѣка Адама и Еву на землѣ, они заповѣдь мою преступили, но за міръ христіанскій воплотился, былъ мученъ и распятъ, пролилъ кровь свою за

искупленіе ихъ, но жиды отвергошася отъ вѣры, любви и надежды ко спасенію; будутъ во вѣкъ мучитися".

III.

Особое поученіе святыхъ праотецъ.

По водамъ плавающимъ: воспомянути Николая Чудотворца.

Заутра востани и воспомяни архангела Михаила: будеши веселъ.

Когда будешь воду пить, воспомяни ангела Асаила.

Когда ложишься спать, воспомяни архангеловъ Михаила и Гавріила.

Когда громъ грянетъ, воспомяни ангела Разорила и пророка Илью.

Аще метаешься жребіемъ, воспомяни ангела Афанаила и великомученицу Парасковью.

Когда въ печали будешь, воспомяни архангела Адоила.

Когда домъ отстроишь, воспомяни архангела Михаила.

Сообщилъ М. Овчинниковъ.

Мелочи изъ жизни Качинскихъ татаръ.

Въ 1839 году ясашная женка Татьяна Табандина занималась выкуркой корчемнаго вина, за что была оштрафована на 30 рублей ассигнаціями, но не уплативши штрафа, скрылась.

* * *

Минусинскій земскій судъ 20 іюня 1839 года за № 4256 проситъ Качинскую степную думу „сдѣлать тщательнѣйшее разысканіе о поимкѣ убійцы неизвѣстнаго ясашнаго, который примѣтами: среднихъ лѣтъ, небольшого роста, довольно коренастый, лицомъ широкъ, смугловатый и калмыковатый, широконосый, безъ бороды и усовъ, съ узкими черными глазами, съ черными, немного кудреватыми, на головѣ волосами, въ однорядкѣ чернаго крестьянскаго сукна, въ сагырахъ, похожъ на ссыльнокаторжнаго Федота Кандіева. И по отысканіи, представить въ сей судъ за строжайшимъ присмотромъ".

(Изъ архива Усть-Абаканскаго волостного правленія).

Библіографическая замѣтка о шаманствѣ.

В. И. АНУЧИНЪ. Очеркъ шаманства у Енисейскихъ остяковъ съ рисун. въ текстѣ, исполненными художн. С. М. Дудинымъ. 1+90 стр., цѣна 1 р 35 к.

Сборникъ Музея Антропологіи и Этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. Томъ II, 2.

Происхожденіе сибирскаго шаманства теряется во мракѣ глубокой древности. Первыя извѣстія о немъ появляются въ историческихъ памятникахъ еще задолго до Р. Х. Путешественники и монахи-миссіонеры стали интересоваться шаманствомъ съ половины XVIII столѣтія. Они оставили намъ не мало свѣдѣній о шаманствѣ XVIII вѣка, которыя впослѣдствіи были широко использованы въ трудахъ ученыхъ, касавшихся Сибири, въ частности—населяющихъ ее инородческихъ племенъ. Но какія эти свѣдѣнія? Какую цѣнность представляютъ они для освѣщенія сложнаго вопроса души инородца—шаманства? Эти путешественники и монахи-миссіонеры, описывая шаманство, не могли отрѣшаться отъ предвзятыхъ мнѣній о шаманствѣ, не имѣли достаточныхъ данныхъ для строго-объективнаго отношенія и оцѣнки чуждой имъ религіозной системы. И это-то обстоятельство, помѣшавшее имъ понять дѣйствительную сущность шаманства, и было причиной того, что нѣкоторые ученые, воспользовавшись свѣдѣніями этихъ „изслѣдователей", изобразили шаманство въ видѣ какой-то шарлатанской, ловко выполняемой, комедіи, разсчитанной на то, чтобы морочить головы наивныхъ инородцевъ... Даже такіе люди, какъ, наприм., нѣмецкій ученый Гмелинъ и русскій изслѣдователь Камчатки-Крашенинниковъ, не были свободны отъ этого взгляда, исключающаго возможность серьезнаго, строго объективнаго отношенія къ явленіямъ и фактамъ, касающимся сибирскаго шаманства. Больше того, съ подобными же взглядами мы встрѣчаемся, къ сожалѣнію, въ трудахъ ученыхъ даже XIX и XX стол. (авторитетный монголистъ А. Позднѣевъ). И только за послѣдніе 25—30 лѣтъ появляются объективныя, болѣе или менѣе научныя, работы о шаманствѣ.

Научное изученіе Сибири идетъ впередъ, но все же, несмотря на прекрасныя, хотя и не вполнѣ исчерпывающія вопросъ, лингвистическія, этнографическія, антропологическія, археологическія и др. изслѣдованія Сибири (Радловъ, Потанинъ, Клеменцъ, Ядринцевъ, Черскій, Адріановъ, Богоразъ, Іохельсонъ, Штернбергъ, Пекарскій и др.), шаманскія вѣрованія сибирскихъ инородцевъ ждутъ еще своихъ изслѣдователей.

Подъ вліяніемъ все больше и глубже проникающей въ среду инородцевъ русской культуры и дѣятельности отцовъ миссіонеровъ, сибирское шаманство съ каждымъ годомъ уходитъ въ область исторіи и уже не за горами то время, когда его можно будетъ изучать только по музейскимъ коллекціямъ. Вотъ именно это-то обстоятельство и выдвигаетъ передъ этнологами настоятельную очередную задачу немедленнаго изученія шаманства, регистраціи всего, что относится къ шаманскому культу.

Въ отдѣльныхъ трудахъ, посвященныхъ какому-нибудь уголку Сибири, какому-нибудь инородческому племени разсѣяно не мало—порою весьма цѣнныхъ—свѣдѣній о сибирскомъ шаманствѣ, но все это, вслѣдствіе своей разбросанности, доступно только кабинетнымъ ученымъ. До сихъ поръ эти свѣдѣнія, къ сожалѣнію, не сведены въ одно цѣлое, которое давало бы возможно полную картину сибирскаго шаманства (извѣстный трудъ о шаманствѣ В. М. Михайловскаго, несмотря на свои заданія, какъ разъ не отвѣчаетъ отмѣченной нами потребности). И только нѣкоторымъ племенамъ посчастливилось—ихъ шаманству посвящены отдѣльныя монографіи (якутамъ—работа В. Ф. Трощанскаго, гольдамъ—Н. Н. Шимкевича), собраны сырые матеріалы (бурятамъ—работы М. Н. Хангалова). Теперь мы имѣемъ отдѣльный трудъ о шаманствѣ Енисейскихъ остяковъ. И этотъ трудъ выполненъ сибирякомъ В. Н. Анучинымъ, который въ періодъ 1905-1908 гг., по порученію Русск. Ком. для изученія Средней и Восточной Азіи, занимался среди Енисейскихъ остяковъ этнографическими изслѣдованіями.

Религіозная система енисейцевъ по впѣчатлительности не сложна. Творецъ и повелитель вселенной Ес—человѣкоподобное существо мужского пола. Въ земныя дѣла онъ не вмѣшивается, предоставивъ это второстепеннымъ духамъ, богатырямъ и великимъ шаманамъ, которые управляютъ землей вполнѣ автономно. Поэтому енисейцы не обращаются къ Ес'ю ни съ жертвами, ни съ молитвами. Вторымъ по могуществу божествомъ является существо женскаго пола—*Хосадамъ*. Раньше она была женою Ес'я, но, за нарушеніе супружеской вѣрности, была

низвергнута съ неба. Она является злымъ началомъ моря, *холода*, болѣзней и всего вреднаго для человѣка. Изображеній Хосадамъ енисейцы не дѣлаютъ.

При низверженіи Хосадамъ, около нея оказалось нѣсколько ея слугъ; упавъ на землю, они превратились въ лѣшихъ (*літысъ*), водяныхъ (*улітысъ*) и пр. Эти духи, хотя и принадлежатъ къ сонму злого начала, но не подчинены Хосадамъ и не причиняютъ большого зла человѣку. Посмѣяться, одурачить—вотъ ихъ отношеніе къ человѣку.

Наряду съ духами злого начала есть и добрые духи, всецѣло заботящіеся о благѣ человѣка. Таковыми являются *Томмаль*,—считающіеся по силѣ третьими послѣ Ес'я и Хосадамъ, —богатыри, изъ нихъ въ особенности—*Альба*, великіе шаманы и величайшій изъ нихъ—Doh. Этотъ Doh живъ, т. к. одна изъ его душъ попала къ Хосадамъ и распята ею на деревѣ и жива до сихъ поръ. Енисейцы вѣрятъ, что Альба вернется на землю.—А пока онъ заботится о человѣкѣ, защищаетъ его отъ злыхъ духовъ—*Кынсъ*. Эти послѣдніе «представляются енисейцу въ образѣ черной птицы, либо со змѣевидной головой, либо съ острымъ загнутымъ клювомъ» (стр. 5). Свистъ вѣтра—это крикъ кынс'овъ.

Представленія енисейскихъ остяковъ о возникновеніи вселенной и происхожденіи человѣка довольно суммарны и факту появленія на землѣ человѣка енисейцы не придаютъ большого значенія. Зато у енисейцевъ опредѣленное представленіе о душѣ. Душа извѣчна и безсмертна. Человѣкъ имѣетъ 7 душъ, животныя—по одной. Рыбы не имѣютъ ни одной души. Находясь во чревѣ матери, человѣкъ получаетъ нѣсколько (1-6) душъ изъ животныхъ и растеній, которыя употребляются матерью. Затѣмъ, не задолго до рожденія, „въ него уже извнѣ, *черезъ половые органы беременной, вселяется главная душа—ульвей*, которая во все время жизни человѣка находится вблизи отъ него. Если ульвей уходитъ изъ человѣка, онъ начинаетъ болѣть, уйдетъ ульвей совсѣмъ—человѣкъ умираетъ. Поэтому является необходимость отыскать этотъ ульвей, узнать, гдѣ онъ находится, и, если возможно, вернуть его къ своему патрону. Слѣдовательно, роль шамана у енисейцевъ сводится къ врачеванію. Шаманству у енисейцевъ не обучаются—оно искусство врожденное. Шаманомъ можетъ быть только человѣкъ, происходящій изъ шаманскаго рода. При вступленіи въ шаманы соблюдается родовая преемственность: отъ шамана—мужчины послѣ его смерти шаманство можетъ перейти къ его дочери, послѣ ея смерти—къ ея сыну и т. д. У нихъ нѣтъ подраздѣленій шамановъ на черныхъ и

бѣлыхъ, какъ это видимъ мы у тюркскихъ и монгольскихъ племенъ. Фактъ этотъ весьма интересенъ, если не забывать, что въ основѣ религіознаго міровоззрѣнія енисейцевъ лежитъ дуализмъ. Самые обряды посвященія въ шаманы отсутствуютъ. Но енисейскіе остяки подраздѣляются на большихъ и малыхъ, сообразно съ количествомъ имѣющихся у каждаго изъ нихъ шаманскихъ аттрибутовъ. Въ этомъ отношеніи енисейскіе шаманы должны пройти, такъ сказать, нѣкоторый стажъ.—Призываемому въ шаманы является наяву—чаще во снѣ—умершій шаманъ (или шаманка) и указываетъ судьбу или говоритъ: «начинай шаманить.» Призракъ этотъ является только разъ, но послѣ него появляются всѣ подвластные ему (или ей) духи и влекутъ призываемаго шаманить. Если онъ не подчинится духамъ или не пойметъ ихъ призывовъ—зачахнетъ и умретъ.

«Подчинившійся зовамъ духовъ получаетъ названіе gagij—блаженный, одержимый. Это—человѣкъ не въ своемъ умѣ». Онъ получаетъ даръ прозорливости; ему чудятся призраки: онъ часто заговаривается, дѣлаетъ часто то, что не принято въ его средѣ, чрезмѣрно пугливъ, часто безпричинно плачетъ, иногда «хохочетъ и катается по землѣ.»

Это «онъ ищетъ свою шаманскую дорогу», такъ какъ передъ нимъ 7 дорогъ, изъ коихъ одна—завѣтная, если gagij попадетъ именно на нее, онъ или умретъ, или будетъ безумцемъ.

Эта стадія длится отъ одного мѣсяца до двухъ лѣтъ. „Найдя свою дорогу“ и составивъ свою пѣсню, призванный становится „хозяиномъ“ духовъ; его разумъ возвращается къ нему, и, по совѣту духовъ, онъ велитъ сдѣлать себѣ колотушку для бубна, вмѣстѣ съ которой онъ получаетъ новое названіе:

Хыпысенін—малый шаманъ“ (стр. 24).

Черезъ нѣкоторое время—не больше года—хыпысенін получаетъ новую колотушку, головную повязку и нагрудникъ и становится дѣйствительнымъ шаманомъ—*сенін*. Шаманъ, обладающій двумя бубнами—что наблюдается очень рѣдко—называется великимъ шаманомъ—*касенін*.

Въ третьей—и послѣдней—части своей работы г. Анучинъ съ обстоятельностью серьезнаго этнолога описываетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ полученные шаманомъ аттрибуты шаманскаго культа—колотушку, повязку на голову, нагрудникъ, нимы, рукавицы, бубенъ съ новой колотушкой, жезлъ, плащъ и корону. Цѣнныя свѣдѣнія сообщаетъ г. Анучинъ объ орнаментѣ на этихъ предметахъ. Они даютъ намъ указанія на степень распространенности фаллическаго культа—

теперь уже почти потерявшаго свое значеніе у сибирскихъ инородцевъ,—и проливаютъ свѣтъ на мало изученый еще вопросъ этнологіи—орнаментъ сибирскихъ инородцевъ.

Въ бѣглой библіографической замѣткѣ нельзя подробнѣе остановиться на разборѣ интереснаго труда г. Анучина. Намъ остается только отъ души пожелать, чтобы его цѣнный въ научномъ отношеніи трудъ побудилъ другихъ изслѣдователей къ опубликованію аналогичныхъ по существу матеріаловъ. Было бы весьма желательно, между прочимъ, опубликованіе результатовъ изученія шаманства А. В. Анохинымъ—у алтайцевъ и В. А. Михайлова—у верхоленскихъ бурятъ.

Ив. Евсеинъ.

Наводненіе въ Нижнеудинскѣ въ іюнѣ 1912 года.

На рисункѣ изображена затопленная частная аптека; въ лодкѣ хозяйка аптеки и ея дочь. Въ этомъ домѣ послѣ наводненія, въ подпольѣ, оказалась рыба линь, вѣсомъ въ 20 фунтовъ.

И. Безсоновъ.

ЗАМѢТКИ.

Изъ повѣрій Устьянскихъ якутовъ о Котельномъ островѣ. Среди якутовъ Устьянскаго улуса существуетъ очень много разсказовъ о Котельномъ островѣ, самомъ большомъ изъ группы Ново-Сибирскихъ. Во всѣхъ этихъ разсказахъ якуты неизмѣнно утверждаютъ, что въ глубокой древности здѣсь жили *большіе люди*, которые никогда не появлялись на азіатскомъ материкѣ и даже не любили непрошенныхъ гостей-жителей съ материка, имѣвшихъ обычный ростъ.

Съ чѣмъ связаны такія повѣрья—якуты, конечно, не объясняютъ, но, повидимому, происхожденіе ихъ кроется въ палеонтологическихъ находкахъ на Котельномъ островѣ, гдѣ масса клыковъ и костей и не только мамонта, но и костей другихъ ископаемыхъ животныхъ; копыта большой величины, черепа носорога, кости птицъ и т. д.

Отсюда естественно существованіе у якутовъ и такихъ разсказовъ, какъ о лошади-великанѣ, о птичьемъ крылѣ огромной величины, объ яичной скорлупѣ невиданныхъ теперь размѣровъ.

Въ Устьянскѣ часто можно услышать сказку, какъ однажды промышленники мамонтовой кости, застигнутые далеко отъ своей юрты, нашли пріютъ подъ крыломъ какой то птицы-великана, а этихъ промышленниковъ было 7 человѣкъ.

Въ другой сказкѣ говорится, что пятеро промышленниковъ нашли на Солурдахѣ такую огромную скорлупу яйца, что, легко усѣвшись въ нее, переплыли проливъ между двумя островами.

Одинъ якутъ разсказывалъ мнѣ, что онъ самъ видѣлъ на островѣ такую челюсть какой то рыбы, что его товарищъ могъ свободно проѣхать верхомъ на оленѣ подъ челюстью, поставленной въ видѣ арки.

На вопросы: какъ давно это было и куда исчезли большіе люди съ острова—Устьянцы говорятъ, что было это въ незапамятныя времена, а большіе люди Котельнаго острова, испугавшись нашествія материковыхъ тунгусовъ, укочевали далеко на сѣверъ—на другой берегъ холоднаго моря.

— И теперь они живутъ тамъ, на другомъ берегѣ,—поясняютъ нѣкоторые разсказчики.

Н. Е. Олейниковъ.

О гражданской зрѣлости Сибири въ 1875 году. До послѣдняго времени правительство и сибиряки стояли на различныхъ, почти діаметрально-противоположныхъ, точкахъ зрѣнія по вопросу о гражданской зрѣлости Сибири. Это одинъ изъ тѣхъ больныхъ вопросовъ, которые въ теченіи полувѣка волнуютъ сибирское общество... Понятное дѣло, что всякій историческій, хотя бы и мелочной, но характерный штрихъ въ этомъ направленіи имѣетъ для сибиряка свою цѣнность, какъ одно изъ многочисленныхъ доказательствъ правъ Сибири на общественно-политическую самоопредѣляемость.

Въ октябрѣ 1875 года гласный Енисейской городской думы Василій Ефимовичъ Поповъ подалъ въ думу слѣдующее интересное «мнѣніе».

„Право есть одинъ изъ существенныхъ элементовъ, составляющихъ жизнь народа, подобно его физіономіи, языку, нравамъ, религіи и всѣмъ его духовнымъ вѣрованіямъ. Въ силу столь важнаго присущаго начала, всякій гражданинъ основываетъ свои дѣйствія на ономъ, тщательно отстаивая таковое во всѣхъ подлежащихъ случаяхъ. Въ такомъ значеніи городскимъ обществамъ Монаршею милостію (Город. Полож. 1785 г. апрѣля 21 и 529 ст. Св. Зак. IX т. Уст. о Сост.) даровано, между прочимъ, право составлять судъ изъ лицъ, избираемыхъ изъ среды своего сословія, и порядокъ этотъ продолжается понынѣ во всѣхъ городахъ Восточной Сибири посредствомъ выбора членовъ въ *городовые суды и ратуши*. Какъ членъ городского общества, вседушевно заинтересованный въ этомъ правѣ и по собственному опыту извѣстный вполнѣ о сущности этого предмета, я, съ моей стороны, въ видахъ обсужденія его во всѣхъ его мотивахъ, долгомъ считаю представить почтеннѣйшему обществу относящіяся къ сему обстоятельства.

Такъ, чтобы сохранить всецѣло дарованное право, Енисейское городское общество еще въ 1837 году на повсемѣстное предложеніе правительства, не пожелаютъ ли городскія общества присоединить городовые суды къ окружнымъ, отказалось отъ сего. Затѣмъ, въ 1862 году когда, по предписанію господина министра внутреннихъ дѣлъ, учреждена была въ г. Енисейскѣ комиссія для составленія проэкта объ улучшеніи городского управленія, и тогда относительно городового суда — существованіе его признано необходимымъ. Наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1864 г. отъ господина министра юстиціи черезъ г. генералъ-губернатора Восточной Сибири потребовано было отъ Енисейскаго городового суда совокупное съ окружнымъ судомъ мнѣніе, полезно-ли присоединить къ оному городовой судъ. При чемъ было приложено и положеніе совѣта главнаго управленія Западной Сибири по этому предмету, гдѣ приведены были на видъ нравственныя качества избираемыхъ тамъ на службу гражданъ далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ; тутъ было означено, что они и неблагонадежны и невѣжественны и проч., и не оправдываютъ своего назначенія и что, хотя Омское городское общество ходатайствовало о возстановленіи тамъ городового суда, упраздненнаго было предъ тѣмъ за три только года въ видѣ опыта, но что за объясненными причинами таковое ходатайство уже не уважено. А въ виду всего этого совѣтомъ главнаго управленія Западной Сибири и заключено присоединить городовые суды къ окружнымъ во всѣхъ городахъ Западной Сибири, кромѣ Семипалатинска и Петропавловска, съ предоставленіемъ городскимъ обществамъ избирать для присутствованія въ окружныхъ судахъ по два засѣдателя и съ отнесеніемъ на счетъ городовъ содержанія секретаря и канцеляріи въ окружномъ судѣ.

Сообразивъ все это съ глубочайшимъ размышленіемъ и дѣйствительностью фактовъ, Енисейскій городовой судъ далъ 9-го ноября того же 1864 года окружному суду особенное свое мнѣніе, которое и представлено по принадлежности. На что однакожъ никакого пререканія не послѣдовало: значитъ, оно принято въ уваженіе. Вообще, въ этомъ городового суда мнѣніи развита таковая мысль, что сохраненіе дарованнаго права составляетъ истинное благо и достоинство сословія въ лицѣ избираемыхъ изъ среды его членовъ, и это право весьма знаменательно выражаетъ видимое возвышеніе чести гражданина. Собственно говоря, о г. Енисейскѣ, какъ городѣ многолюдномъ и знаменитомъ во многихъ городахъ, можно съ удовольствіемъ замѣтить, что съ самаго начала учрежденія въ

оном магистрата, переименованаго городовымъ судомъ (въ 1822 году), члены онаго всегда и съ похвалою оправдывали свое званіе. Доказательствомъ чего есть награжденіе ихъ отъ городского общества Похвальными листами и признательностію высшаго начальства за отличное служеніе, выраженною, между прочимъ, письменно и не иначе, какъ по подробнѣйшемъ обревизованіи дѣлъ городового суда г.г. Енисейскими гражданскими губернаторами, и именно: въ 1833, 1834 и 1835 годахъ, а отъ г. генералъ-губернатора Восточной Сибири-по обревизованіи дѣлъ суда совѣтникомъ главнаго управленія г. Сельскимъ въ 1842 году. Потомъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1848 года, изъяснена благодарность и въ указѣ Енисейскаго губернскаго правленія, въ чемъ можно положительно удостовѣриться въ Енисейскомъ общемъ губернскомъ управленіи. Подобная признательность начальства, безсомнѣнія, изъявляема была и въ послѣдующихъ годахъ. Самымъ же очевиднымъ засвидѣтельствованіемъ способностей и усерднаго служенія членовъ означается удостоеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ и Монаршею наградою. Однимъ словомъ, самостоятельность существованія городового суда явственно показываетъ глубокое пониманіе гражданами столь важнаго права—составлять судъ изъ лицъ своего сословія.

Что касается до предположенія о присоединеніи городового суда къ окружному, то въ виду разсужденій совѣта главнаго управленія Западной Сибири о неспособности къ служенію избираемыхъ тамъ лицъ: то здѣсь рѣшеніе на подобное присоединеніе было бы очевиднымъ подтвержденіемъ таковыхъ неодобрительныхъ заключеній, тогда какъ здѣсь избираемыя лица ни малѣйшаго сходства съ тѣми не имѣютъ. Впрочемъ, если-бъ и присоединить городовой судъ къ окружному, то и это само по себѣ для городского общества ни малѣйшей пользы не могло-бъ составить, потому собственно, что и тогда содержаніе секретаря и канцеляріи въ окружномъ судѣ также относилось бы на счетъ городского общества, какъ и выборъ двухъ засѣдателей съ ихъ кандидатами подлежалъ-бы отъ него.

Все это представляя во внимательное обсужденіе его, я въ убѣжденіи полной справедливости и желанія удержать право городского сословія въ этомъ важномъ отношеніи, покорнѣйше прошу оставить существованіе городового суда въ настоящемъ его состояніи и чрезъ то сохранить дарованное право во всемъ его достоинствѣ и силѣ“.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ Минусинскѣ. Въ прошломъ году въ „Голосѣ Минувшаго“ (№№ 1, 3, 5) напечатана работа маститаго русскаго историка В. И. Семевскаго: „М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири“. Написанная большей частью на основаніи необнародованнаго матеріала, работа проливаетъ свѣтъ на многіе интересные моменты сибирскаго прошлаго.

Вырисовывается, между прочимъ, картина тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергался Петрашевскій со стороны всесильнаго генералъ-губернатора, графа Муравьева Амурскаго, проявлявшаго къ безправному ссыльно-поселенцу самое злобное и мстительное отношеніе. Послѣ этого, нужно думать, окончательно смолкнутъ нерѣдкіе, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ у сибирскихъ историковъ толки о либерализмѣ и „просвѣщенной“ дѣятелности графа.

Какъ извѣстно, Буташевичъ-Петрашевскій[1]) является одной изъ крупнѣйшихъ фигуръ русскаго общественнаго движенія XIX вѣка. Это былъ глава кружка интеллигенціи, увлекавшагося идеями одной изъ разновидностей утопическаго соціализма-фурьеризма и разгромленнаго въ печальную пору усиленія реакціи, наступившей въ отвѣтъ на движеніе 1848 г. въ Западной Европѣ. Петрашевскій былъ присужденъ къ смертной казни, которая ему была замѣнена каторжными работами безъ срока на самомъ эшафотѣ.

Каторгу Петрашевскій отбывалъ въ Нерчинскѣ, въ 1856 г. по Высочайшему повелѣнію онъ освобождается отъ каторжныхъ работъ и выходитъ на поселеніе. Въ январѣ 1857 мы находимъ Петрашевскаго въ Иркутскѣ.

Изъ изслѣдованій Семевскаго выясняется, что первая частная газета въ Сибири—выходившій въ 1860 г. въ Иркутскѣ „Амуръ“—обязана своимъ возникновеніемъ отнюдь не кореннымъ сибирякамъ съ Загоскинымъ во главѣ, какъ это считали до сихъ поръ;[2]) мысль о газетѣ принадлежитъ ссыльно—поселенцу Петрашевскому, который и досталъ денегъ на ея изданіе и былъ главнымъ сотрудникомъ „Амура“ вплоть до своей высылки въ Енисейскую губернію въ 1860 г. Изъ крайне любопытныхъ данныхъ, опубликованныхъ Семевскимъ, видно, что въ началѣ 60-хъ годовъ Петрашевскій находился въ ссылкѣ въ Минусинскѣ, куда онъ былъ переведенъ изъ

1) О немъ см. печатавшіяся въ 1913 г. въ «Голосѣ Минувшаго» №№ 1—4, 6, 8, 11, 12 статьи В. И. Семевскаго.

2) См. напр Козьминъ. Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. С.П.Б. 1910 г., 200.

сеза Шушенскаго. Въ Минусинскѣ онъ подружился съ окружнымъ начальникомъ, кн. Ник. Алекс. Костровымъ,—лицомъ отличнымъ отъ обычнаго типа нашихъ уѣздныхъ администраторовъ, хорошо извѣстнымъ сибиревѣдамъ этнографомъ. Но графъ Амурскій не оставилъ своимъ вниманіемъ Петрашевскаго и въ Минусинскѣ. За дружбу съ Петрашевскимъ князь Костровъ былъ смѣщенъ, и на его мѣсто назначенъ „такой, который бы не боялся Чернышевскаго"—штабсъ-капитанъ Романовичъ. Новый окружный начальникъ, по его словамъ въ донесеніи Енисейскому губернатору Падалкѣ, еще до назначенія на должность, будучи въ Иркутскѣ, „слышалъ о неблагородныхъ поступкахъ и безнравственности поселенца Буташевича-Петрашевскаго", за что онъ и переселенъ въ Шушенскую волость, а потому счелъ пребываніе его въ Минусинскѣ вреднымъ и отправилъ въ мѣсто причисленія. Отмѣтимъ здѣсь, что въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Красноярска Петрашевскій вспоминаетъ, какъ мѣстное Минусинское общество высказало протестъ по поводу преслѣдованія его со стороны Романовича.

Въ 1861 г. Петрашевскому по болѣзни разрѣшили жить въ Красноярскѣ, при чемъ свидѣтельствовавшая его Красноярская врачебная управа нашла, что его болѣзнь требуетъ удаленія по возможности всего, что можетъ имѣть малѣйшее вліяніе на его душевное волненіе и нервное потрясеніе", а въ томъ числѣ и отправка его вновь въ Минусинскъ, „оставившій въ немъ столь сильное антипатичное впечатлѣніе."

Три года удалось Петрашевскому прожить въ Красноярскѣ.

Въ мартѣ 1864 года губернская администрація отправила его обратно въ Шушенскую волость. Его не оставили, однако, въ покоѣ и тамъ, и перевели въ слѣдующемъ году въ деревню Верхній Кебежъ. Однако и тамъ онъ казался администраціи „неисправимымъ". Въ началѣ 1866 года Петрашевскій былъ переселенъ въ село Бѣлыкское, Енисейскаго округа, гдѣ въ концѣ года и скончался.

Мы не должны удивляться тѣмъ преслѣдованіямъ, которыя, какъ изъ рога изобилія, сыпались на Петрашевскаго: за все время своего пребыванія въ ссылкѣ онъ велъ упорную „борьбу за право" съ мѣстной администраціей, не оставляя безъ вниманія ни одного правонарушенія, ни одного акта произвола власти. Въ письмѣ къ своимъ роднымъ изъ Минусинска 7 іюня 1860 г. онъ пишетъ: „можно, руководясь чувствомъ или соображеніями мелочного благоразумія, винить меня за то, что въ семъ случаѣ я не выказалъ скромности толь-

ко что вышедшей въ свѣтъ институтки или savoir faire гос. Молчалина, тогда бы, разумѣется, я бы избѣжалъ многихъ непріятностей... Но если я смѣло однажды выступилъ на борьбу со всякимъ насиліемъ, со всякой неправдой, то теперь уже мнѣ не сходить съ этой дороги ради пріобрѣтенія мелочныхъ выгодъ и удобствъ жизни. Мнѣ теперь уже поздно обучать себя „выгодному подличанью“.

Эти прекрасныя слова Петрашевскаго служатъ лучшей характеристикой его многострадальной жизни.

В. А. Ватинъ.

Какъ создаются легенды на Алтаѣ. Въ № 2-мъ „Сибирскаго Архива“ за 1915 г. помѣщена замѣтка г. Кузьмина «Забытый курганъ», въ которой разсказывается о томъ, какъ нѣкогда алтайскіе калмыки почтили своего героя, насыпавъ надъ его могилой курганъ. Легенда о происхожденіи кургана передана г. Кузьмину русскимъ ямщикомъ. Это обстоятельство и побудило меня написать настоящую замѣтку, чтобы показать, какъ возникаютъ иногда легенды на Алтаѣ съ чудеснымъ элементомъ, сочинителями котораго бываютъ нерѣдко русскіе мужички.

Лѣтомъ 1910 года мнѣ пришлось быть въ с. Тюдрала, Бійскаго уѣзда. Случай свелъ меня тутъ со старикомъ Казанцевымъ, мѣстнымъ богачемъ и кладоискателемъ. О немъ я уже слышалъ много любопытнаго, а потому, естественно, искалъ только повода, чтобъ зайти къ нему и побесѣдовать. Само собой разумѣется, что я, прежде всего, завелъ рѣчь съ нимъ о томъ, какъ онъ искалъ калмыцкій кладъ и какія при этомъ были чудеса, о которыхъ, хоть немножко, но знали почти всѣ тюдралинцы. И вотъ что разсказалъ мнѣ Казанцевъ.

— Разъ какъ то пьяные калмыки проболтались, что прадѣдами въ одной изъ пещеръ около Тюдралы, при нашествіи китайцевъ, было спрятано много золота и разныхъ драгоцѣнныхъ вещей. Съ трудомъ удалось отъ нихъ узнать и приблизительное мѣстонахожденіе пещеры, которая, собственно, представляетъ не одну пещеру, а рядъ пещеръ, находящихся одна надъ другой. Эти пещеры соединены были сначала между собою ходами, которые калмыки, по приказу ойрота, завалили, чтобы китайцы на случай, если найдутъ пещеру, не проникли въ самое послѣднее отдѣленіе, гдѣ были спрятаны драгоцѣнности. Въ компаніи съ двумя мужиками я началъ искать мѣстонахожденіе пещеры, которая то давала себя найти, то нѣтъ.

На мои вопросы, какъ это могло случиться, Казанцевъ

отвѣтилъ, что тутъ ничего мудренаго нѣтъ: разъ въ пещерѣ «добро», то она заколдована. Знать же себя пещера „то не давала, то давала“ вотъ какъ: случайно они нѣсколько разъ «натыкались» на эту пещеру, но какъ только приходили съ «инструментомъ», то входа отверстія не могли найти.

— Въ это время я познакомился—продолжалъ Казанцевъ—съ ворожеемъ Мельниковымъ, который, при помощи своего зеркала, указалъ, что сокровища спрятаны въ 4 этажѣ, проникнуть въ который сверху, постепенно переходя изъ этажа въ этажъ, очень трудно. Лучше, сказалъ мнѣ Мельниковъ, начать работу снизу, съ ключа, находящагося рядомъ съ Бичеемъ (маленькая горная рѣчка). Но мы не послушались: жаль было бросать начатой работы, такъ какъ мы были уже въ 2 этажѣ. Однако необыкновенный случай заставилъ насъ отказаться отъ своего намѣренія. Разъ мы, въ поискахъ входа въ 3 этажъ, усталые сѣли отдохнуть. Вдругъ противоположная стѣна пещеры стала подыматься, и мы увидѣли комнату, по серединѣ которой стояло точило. Немного погодя, камень точила, безъ видимой причины, завертѣлся и, чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе и быстрѣе. Мы сильно испугались и прекратили работу. Послѣ этого мы рѣшили послушаться Мельникова и начать откапывать входъ въ пещеру съ Бичея Мельниковъ сказалъ намъ, что будетъ „видѣніе“, но чтобы мы не боялись его. Дня черезъ три послѣ начала работъ на новомъ мѣстѣ, около полуночи, появилась передъ нами старуха-калмычка, которая обратилась къ намъ и сказала:

— Братцы, хоть вы силой берете кладъ, но вамъ онъ не достанется. Запретъ на добро положенъ на сиротку 12-ти лѣтъ. Когда она явится, все само растворится, а теперь вы робите напрасно—только чувалъ изъ-за васъ уронила, а печь все-таки цѣла.

— Еще черезъ нѣсколько дней,—говорилъ Казанцевъ,—мы прекратили работу, такъ какъ поссорились между собой.

Лѣтомъ 1910 года тѣхъ мужиковъ, которые работали вмѣстѣ съ г. Казанцевымъ, въ Тюдралѣ уже не было; они поѣхали искать лучшей доли, а потому провѣрить „чудеса“ Казанцева не было возможности. Несомнѣнно, однако, что „твореніе“ Казанцева, со временемъ, передаваясь отъ одного поколѣнія другому, станетъ заправской легендой съ чудеснымъ элементомъ.

Я. Бирюковъ.

О перенесеніи торговой факторіи изъ Охотска въ Алданъ. По указу Его Императорскаго Величества коммерцъ-коллегія

слушала указъ правительствующаго сената, со объявленіемъ во оном Именного Его Императорскаго Величества Высочайшаго указа, состоявшагося на имя генерала отъ инфантеріи Лещано въ 4 день сего марта за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ которомъ изображено:

Господинъ генералъ отъ инфантеріи Лещано *)! Высочайше апробовавъ представленіе ваше рапортомъ отъ 19-го генваря сего года повелѣваемъ вамъ для избѣжанія трудныхъ верховыхъ перевозокъ, съ изнуреніемъ якутскихъ лошадей сопряженныхъ, приступить къ устроенію тележной дороги отъ Якутска до устья рѣки Маія и отъ урочища Нелкана до устья рѣки Алдана, падающей въ Алданской заливъ Охотскаго моря, рѣкою же Маіею отъ устья ея до пристани Нелкана транспорты дѣлать на судахъ, нарочито для того построенныхъ, которыя должны быть прочныя, могущія чрезъ многіе годы, между сихъ урочищъ подымаясь и опускаясь, дѣлать разные транспорты. Для показанія строенія судовъ заимствовать мастеровыхъ отъ флотскихъ командъ, въ томъ краю находящихся, суда же строиться должны на счетъ тѣхъ чьи будутъ транспорты; а равномѣрно, буде надобны будутъ; но приличнымъ мѣстамъ построить для складки грузовъ магазейны, на дорогу же употребить исчисленную сумму шестьдесятъ семь тысячъ сорокъ два рубли изъ общей дорожной суммы, людей же употребить къ сему по распоряженію вашему. А такъ какъ Охотской портъ, не имѣя никакой предъ собою рейды, будучи совершенно открыть и построенъ на мысѣ, потопляемомъ разливомъ рѣкъ Охоты и Кухтуя, и самой выходъ для судовъ изъ рѣкъ сихъ столь затруднителенъ, что нерѣдко терпятъ суда при выходѣ бѣдствіе, равно и строгость климата препятствуетъ разведенію всякихъ растеній: то и нужнымъ находимъ Мы все заведеніе и поселеніе, основанное во Охотскѣ, перенесши на устье рѣки Алдана, лежащей подъ 56-мъ градусомъ и 50-ю минутами широты, яко климатъ гораздо умѣреннѣе и къ заведенію всего способнѣйшій, при томъ какъ для Американской торговой компаніи нуженъ портъ, въ которомъ бы могли зимовать ихъ суда: то Мы надѣемся, что, видя Наше попеченіе о ихъ благѣ, они не отрекутся приступить къ построенію онаго; остается вамъ собрать на мѣстахъ подробныя свѣдѣнія, нужно ли будетъ въ Охотскѣ оставить каковое либо небольшое селеніе для построенія судовъ, или суда удобнѣе будетъ строить на берегахъ Америки, изо-

*) Генералъ-губернаторъ Сибири.

бирующихъ лучшими лѣсами, удобными для построенія кораблей, и что по сему учредите, донести Намъ немедленно, вслѣдствіе чего правительствующій сенатъ опредѣлилъ о семъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи для надлежащаго свѣдѣнія въ адмиралтействъ-коллегію, въ департаментъ водяныхъ коммуникацій и во всѣ губернскія правленія послать указы съ тѣмъ, чтобъ губернскія правленія учинили отъ себя по своимъ губерніямъ надлежащее о томъ обвѣщеніе: равнымъ образомъ дать знать указами государственному казначею, господину дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору и кавалеру, барону Васильеву, также сената оберъ-прокурору и кавалеру Резанову 2-му, яко главному Американской компаніи корреспонденту, и всѣмъ прочимъ присутственнымъ мѣстамъ. Приказали: съ прописаніемъ онаго во всѣ подчиненныя коллегіи мѣста, а также и къ таможеннымъ инспекторамъ для свѣдѣнія послать указы. Апрѣля 24 дня 1800 года.

Химики. 8 іюня 1833 года засѣдатель Ѳедоръ Петровъ доносилъ Нижнеудинскому земскому суду „о поколовшейся ножемъ въ лѣвую грудь, повыше сосца, Кобинскаго селенія крестьянской женкѣ Марфѣ Александровой отъ стѣсненій, якобы мужемъ изъ поселенцевъ крестьяниномъ Викуломъ Андреевымъ безвинно ей наносимыхъ, и о подозрѣніи сего послѣдняго, выводимомъ на Александрову въ намѣреніи лишить онаго жизни чрезъ отравленіе запеченнымъ въ шаньгу порошкомъ". „При этомъ донесеніи засѣдатель представилъ подлинное слѣдствіе и ножъ, которымъ покололась женка Александрова, и доставленную Андреевымъ шаньгу, подозрѣваемую съ вышеизъясненною отравой".

Александрова въ покушеніи на отравленіе мужа не созналась. Засѣдатель добавляетъ: «но подозрѣвается по доказательству падчерицы оной одиннадцатилѣтней дѣвицы Зиновіи». Не сознался и мужъ Александровой въ приписываемыхъ ему притѣсненіяхъ жены. Здѣсь засѣдатель пишетъ: „и ничѣмъ не оподазривается". Въ виду этого оба обвиняемыхъ „оставлены на мѣстѣ жительства подъ строгимъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства".

Получивъ это „донесеніе", земскій судъ „приказали: какъ изъ дѣла сего выводится по извѣту дочери Викула Андреева, что мать ея, Марфа Александрова, якобы запеченнымъ въ шаньгу порошкомъ намѣрена была мужа своего, а ея отца, отравить, а посему для узнанія истины и надлежащаго хими-

ческаго испытанія оную шаньгу препроводить въ Иркутскую врачебную управу и просить, по испытаніи, съ надлежащимъ увѣдомленіемъ обратить въ сей судъ".

„Подозрѣваемая" шаньга была отправлена въ Иркутскую врачебную управу, которая прислала характерный документъ:

М. В. Д.
Иркутская
врачебная управа.
16 авг. 1833 г.
№ 1043.

Въ Нижнеудинскій земскій судъ.

Вслѣдствіе предписанія врачебной управы, здѣшняя казенная аптека подвергала на химическое испытаніе препровожденную при ономъ часть шаньги; но испытаніи на разныя реагенціи, металическихъ ядовъ никакихъ не открыто; видны нѣкоторыя сѣмена на поверхности шаньги, но, по случаю совершеннаго ихъ расплющенія, не можно было распознать, какого оныя растенія, ибо могли быть отъ наркотическихъ растеній, почему и дано было собакѣ, на основаніи правилъ, назначенныхъ въ судебной медицинѣ, довольно порядочный кусокъ, но послѣдствій никакихъ не замѣчено и собака осталась здоровой.

О чёмъ врачебная управа на отношеніе онаго суда за № 3733 и увѣдомляетъ, обращая притомъ и остатки шаньги.

За инспектора Меннеръ.

Злополучную шаньгу окружный судъ приказалъ секретарю „хранить при дѣлѣ" до окончательнаго «рѣшенія».

Я. Ходукинъ.

Реклама въ Сибири „рижскаго бальзама". Лѣтъ 40-50 тому назадъ Сибирь была наводнена „смѣлой" рекламой извѣстнаго «рижскаго бальзама».

Описаніе дѣйствія и силы апробованнаго въ унтъ-инсрвени, т. е. дѣйствительнаго врачебнаго бальзама рижскаго.

1) Положивъ сей бальзамъ во всѣхъ припадкахъ, которые отъ ударовъ, или ушибовъ на какой бы то части тѣла ни было, онъ приключившуюся боль-опухоль и запеченную отъ

тѣхъ ушибовъ подкожную кровь раздѣляетъ, ежели нѣсколько разъ сложенную холстину грѣтымъ бальзамомъ намочить и къ поврежденному мѣсту приложить, перемѣняя раза съ четыре въ день.

2) Во всѣхъ колотыхъ, стрѣляныхъ, рубленыхъ и порѣзаныхъ ранахъ въ скорости останавливаетъ онъ сильное кровотеченіе, унимаетъ боль, не допуская большой опухоли и заживляетъ ихъ послѣ того въ скоромъ времени, хотя бы и сухія жилы повреждены были, ежели корпію имъ намочить и къ ранѣ приложить, а сверхъ корпіи нѣсколько разъ сложенную и бальзамомъ намоченную холстину. Такимъ же образомъ поступать можно, ежели въ ранахъ, особливо въ лѣтнее время, черви покажутся; оныя отъ того въ скорости пропадаютъ.

3) Ежели послѣ пусканія крови перекладываемый къ жилѣ компрессикъ, т. е. сложенную холстину бальзамомъ намочить, то оное въ скорости заживляетъ.

4) Если же кого укуситъ бѣшеная собака, или какой язвительный гадъ, то никакой опасный припадокъ учиниться не можетъ, ежели эту рану сложеннымъ и бальзамомъ намоченнымъ холстомъ припаривать.

5) При отмораживаніи членовъ въ скорости можно больныя мѣста бальзамомъ мазать и на приключенныя отъ того раны корпіи съ бальзамомъ прикладывать.

6) Доходя уже бы и антоновъ огонь отъ жестокой опухоли и отъ простуды въ какой наружной части тѣла оказался ломъ, то частымъ и прилежнымъ припариваніемъ теплаго бальзама пресѣчь можно.

7) При переломѣ руки, или ноги, или вышиба таковыхъ членовъ изъ сустава унимаетъ сей бальзамъ боль и не допускаетъ никакой опухоли и антонова огня, если употребляется послѣ вправленія; перевязку теплымъ бальзамомъ намочить и каждаго дня два раза ее обливать.

8) Ежели у кого глаза болятъ, или кровью зальются, или у кого зрѣніе очень слабое, тому хорошо розовую воду съ бальзамомъ смѣшать и глаза почаще промывать да къ ночи съ тѣмъ же намоченную холстину привязывать.

9) Послѣ тяжелыхъ болѣзней часто въ ногахъ приключаемыя опухоли, тоже ломотныя болѣзни, подагра или хераграда и отъ параличныхъ болѣзней ослабленные члены излѣчиваются симъ бальзамомъ удивительнымъ образомъ, ежели его внутрь три раза по двѣ столовой ложки принимать да и снаружи тою болѣзнью занятыя части имъ мазать почаще.

10) Отъ лихорадки можно его передъ самымъ ея началомъ по маленькой рюмочкѣ давать и подъ хорошимъ прикрытіемъ ожидать поту, также и отъ груди съ водою принимать поутру.

11) Въ цынготной болѣзни дѣлаетъ сей бальзамъ великую пользу, ежели его нѣсколько разъ въ день по маленькой рюмочкѣ принимать; дѣйствіе свое онъ, какъ самое лучшее кровочистительное лѣкарство, оказываетъ и всѣ дурныя мокроты черезъ урину прогонитъ, почему его и тѣ употреблять могутъ, у которыхъ моча, или урина запирается.

12) Отъ цынги и дурного духа изо рта и отъ зубной болѣзни весьма хорошо имъ во рту полоскать и десны мыть, примѣшивая къ нему нѣкоторую часть уксусу; можно его и одного съ хлопчатой бумагой въ гнилой или пустой зубъ класть, то боль скоро уймется.

13) Отъ испорченнаго желудка, отъ колики въ животѣ, глистовъ и маточной болѣзни даетъ сей бальзамъ весьма хорошую пользу, ежели его по нѣскольку ложекъ съ водою принимать.

14) Отъ меланхоліи и ипохондріи да и для открытія почечуя съ пользой его употребляютъ, ежели имъ на спинѣ мазать; удивительнымъ образомъ въ скорости помогаетъ.

Сей бальзамъ, который во всѣхъ вышеописанныхъ случаяхъ многими примѣчаніями испытанъ и аппробованъ, дѣлается по дозволенію правительства по данной привиллегіи въ Ригѣ и можно купить у Вяземскаго 1-й гильдіи купца Семена Лелюхина, въ Москвѣ, въ свѣчномъ восковомъ ряду, у Николая Прыщева, а въ С-Петербургѣ у Алексѣя Дѣвкина—по сходной цѣнѣ. Но поелику многіе посторонніе безъ дозволенія старались разный бальзамъ изготовлять, какъ уже многіе и пойманы были, то, для всякаго сомнительства къ различію отъ рижскаго такого поддѣланнаго бальзама, рекомендуется чрезъ сіе, что на кувшинѣ таможенный свинцовый приложенъ штемпель и привиллегированная печать; оныя для пущей достовѣрности и свѣренія прилагаются у сего.

Сообщилъ Кузнецовъ-Красноярскій.

Редакторъ-издатель А. Линьковъ.